

АСПЕКТ

Нациостроительство

на руинах

империи

2018

№ 3-4(7-8)

ЖУРНАЛ
ЧАСОПИС
социальных и гуманитарных наук
друштвене и хуманистичке науке

Первая мировая война

и образование новых

государств в Европе

БЕОГРАД - МИНСК

BELGRADE - MINSK

ASPECT

Нациостроительство на руинах империи

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ В ЕВРОПЕ»

- ⇒ Зоран Милошевич. «Причины и обстоятельства, влиявшие на передачу восточного Баната Румынии Королевством сербов, хорватов и словенцев (Югославией) после первой мировой войны».- стр. 3
- ⇒ Драгана Трифкович/Борисав Джондович. «Формирование Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 году в социально-политической мысли современной Сербии» - стр. 13
- ⇒ Казак О.Г. «Участие русинской диаспоры США в определении государственной принадлежности Подкарпатской Руси (1918 г.)» - стр. 19
- ⇒ Загорнов А.А. «Прибалтийское самоопределение в 1918 г.: к вопросу о становлении Эстонской республики» - стр. 25
- ⇒ Шевченко К.В. «Зарождение чехословацкой государственности в 1918 году: парадоксы нациостроительного проекта» - стр. 33
- ⇒ Казак О.Г. «Мадьяронская деятельность части греко-католического духовенства Подкарпатской Руси (1939–1944 гг.)» - стр. 96
- ⇒ Криштапович Л.Е. «Провозглашение Белорусской народной республики в 1918 году: история и современность» - стр. 37.
- ⇒ Гронский А.Д. «1917 г. и коллаборационистская деятельность белорусского национализма» - стр. 45
- ⇒ Шимов В.В. «Мировоззренческие истоки национальной политики большевиков» - стр. 50
- ⇒ Мищенко Т.А. «Национальное» в воспитании «нового человека» сельскими учреждениями культуры в 1920-е гг. на территории Брянско-Гомельского пограничья» - стр. 56

СВЕДЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ «АСПЕКТ» - стр. 119

Международное научное
электронное издание

Издается совместно:

- Центар академске речи

(Београд-Шабац, Србија) www.carsa.rs

- Научно-просветительский проект

"Западная Русь"

(Минск) <http://zapadrus.su>

Редакционный совет:

Александр Бендин (Минск);

Александр Гронский (Москва)

Александр Киселев (Минск);

Александр Крылов (Москва);

Анатолий Аврутин (Минск);

Антон Миронович (Белосток);

Валентина Теплова (Минск);

Всеволод Шимов (Минск);

Леонид Савинов (Новосибирск);

Кирилл Шевченко (Минск);

Юрий Аверьянов (Москва);

Главные редакторы:

Зоран Милошевић (Београд)

Игорь Зеленковский (Минск)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

<http://aspects.su/>

aspect.journal@gmail.com

ISSN 2560-3752 (Online)

Nation-building on the ruins of the Empire

MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "WORLD WAR I AND THE FORMATION OF NEW STATES IN EUROPE"

- ⇒ Zoran Miloshevich. "The causes and circumstances which influenced surrender of eastern Banat to Romania by the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia) after World war I" - page 3
- ⇒ Dragana Trifkovic /Borisav Jondovich. "The formation of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in 1918 in the socio-political thought of modern Serbia"- page 13
- ⇒ Oleg Kazak "Участие русинской диаспоры США в определении государственной принадлежности Подкарпатской Руси (1918 г.)" - page 19
- ⇒ Aleksander Zagornov "Baltic self-determination in 1918: to the question of the formation of the republic of Estonia" - page 25
- ⇒ Kirill Shevchenko "Emergence of czechoslovak statehood in 1918: paradoxes of the nation-building project" - page 33
- ⇒ Lev Krishtapovich "Proclamation of the Belarus people's republic in 1918: history and modernity" - page 37
- ⇒ Alexander Gronskii "1917 and the collaboration activity of the belorussian nationalism" - page 45
- ⇒ Vsevolod Shimov "World outlook origins of the national policy of bolsheviks" - page 50
- ⇒ Tatyana Mishchenko "National" in the education of the "new man" of rural cultural institutions in the 1920s on the territory of the Bryansk-Gomel frontier" - page 56

ABOUT MAGAZINE - page 122

International research
electronic publishing

Published jointly by:

- "Center for Academic word"
(Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs

- Scientific and educational project

"Western Russia"

(Minsk) <http://zapadrus.su>

Editorial Council::

Alexander Bendin (Minsk);
Alexander Gronskii (Moscow);
Alexander Kiselev (Minsk);
Aleksandr Krylov (Moscow);
Anatoly Avrutin (Minsk);
Anton Mironovich (Belostok);
Valentine Teplova (Minsk);
Vsevolod Shimov (Minsk);
Leonid Savinov (Novosibirsk);
Kirill Shevchenko (Minsk);
Yury Averyanov (Moscow)

Editor in Chief:

Zoran Milosevic (Belgrade)

Igor Zelenkovsky (Minsk)

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

<http://aspects.su/>

aspect.journal@gmail.com

ISSN 2560-3752 (Online)

Зоран Милошевић. Доктор социолошких наука, научни саветник, редовни професор теоријске социологије. Институт за политике студије Београд, Републике Србије.

Зоран Милошевич. Професор, доктор социологији. Институт политических истраживања. Београд, Србија

Prof. Ph.D. Zoran Miloshevich Institute for Political Studies . Belgrade, Serbia

ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВЛИЯВШИЕ НА ПЕРЕДАЧУ ВОСТОЧНОГО БАНАТА РУМЫНИИ КОРОЛЕВСТВОМ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ (ЮГОСЛАВИЕЙ) ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ(*)(**)(***)
THE CAUSES AND CIRCUMSTANCES WHICH INFLUENCED SURRENDER OF EASTERN BANAT TO ROMANIA BY THE KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENES (YUGOSLAVIA) AFTER WORLD WAR I (*)(**)(***)

РЕЗЮМЕ. После Первой мировой войны ожидания сербов заключались в том, что Сербия получит территории, на которых сербы составляют этническое большинство. Однако эти ожидания не осуществились. Мало того, что Сербия не формировалась в этнических границах, но еще и некоторые ее территории необъяснимо подарены другим государствам. Одной из таких территорий является восточный Банат, где на тот момент, без учета исторических обстоятельств, имелось сербское большинство. Исследователи приводят две причины, почему восточный Банат отдан Румынии: первая – нежелательность территориального увеличения Сербии; а вторая – женитьба югославского (сербского) престолонаследника Александра Карагеоргиевича на Марии (Marie von Hohenzollern-Sigmaringen), румынской принцессе немецкого происхождения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Банат, Первая мировая война, Югославия, сербы, Румыния, разграничение

ABSTRACT. After the First World War, the expectations of not only Serbs, were that Serbia should obtain the territories on which Serbs constitute an ethnic majority. Not only that Serbia did not establish itself within its ethnic borders, but some of those ethnically Serbian territories were also inexplicably surrendered to other states. One of such territories was the eastern Banat, in which, not including the historical circumstances at that moment, the Serbs were ethnic majority. Scientific researchers specify two reasons why the eastern Banat was allocated to Romania: the first is a reluctance to territorial expansion of Serbia (Little Russia); the second reason is the marriage of Aleksandar Karađorđević, the Yugoslav (Serbian) heir to the throne with the Romanian princess of German origin, Marie von Hohenzollern-Sigmaringen.

KEY WORDS. the Banat, World War I, Yugoslavia, the Serbs, Romania, demarcation

Румыния и румыны всегда как-то неестественно воспринимались на карте Европы: большая территория, смешанная латинско-православная идентичность, которая вклинилась в среду православных славян. Кроме того, о Румынии с момента ее образования в 1856 году говорилось мало. Она была всегда как-то удалена и скрыта от общественности. В наших школах об этой стране давалось немного сведений, только основные факты. Однако в действительности, если разумно посмотреть на данную территорию, то есть чему удивиться. Это государство, которое территориально постоянно расширяется, при этом у населения посредством социальных технологий формируется своя идентичность. Собственно, румын, по утверждению многочисленных авторов, означает «римский воин» (что, надо признать, не является этническим понятием), а Румыния, следовательно, – это государство римских воинов [1]. Именно это «государство римских воинов» имеет возможность все время территориально расширяться[2]. Одним из последних территориальных расширений было (опять за счет сербов), когда Румынии был присоединен восточный Банат. Итак, да-

вайте по порядку.

*Текст доклада на Международной научной конференции «Нациостроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

** Работа написана в рамках научного проекта „Демократические и национальные мощности политических институтов Сербии в процессе международных интеграций“ (179009), который финансирует Министерство просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии./The work was written in the framework of the research project “Democratic and National Capacities of Serbian Political Institutions in the Process of International Integration” (179009), which is financed by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

*** Перевод с сербского на русский язык Христины Савиной и Ольги Бересневой/ Translation from Serbian into Russian by Khristina Savina and Olga Beresneva

1. Свјатослав Мазур, Румунија – држава – паразит створена по канонима древног Рима // В сборнике: Румунија и румунизација Срба, - Шабац: Центар академске речи, 2018. С. 70-76.

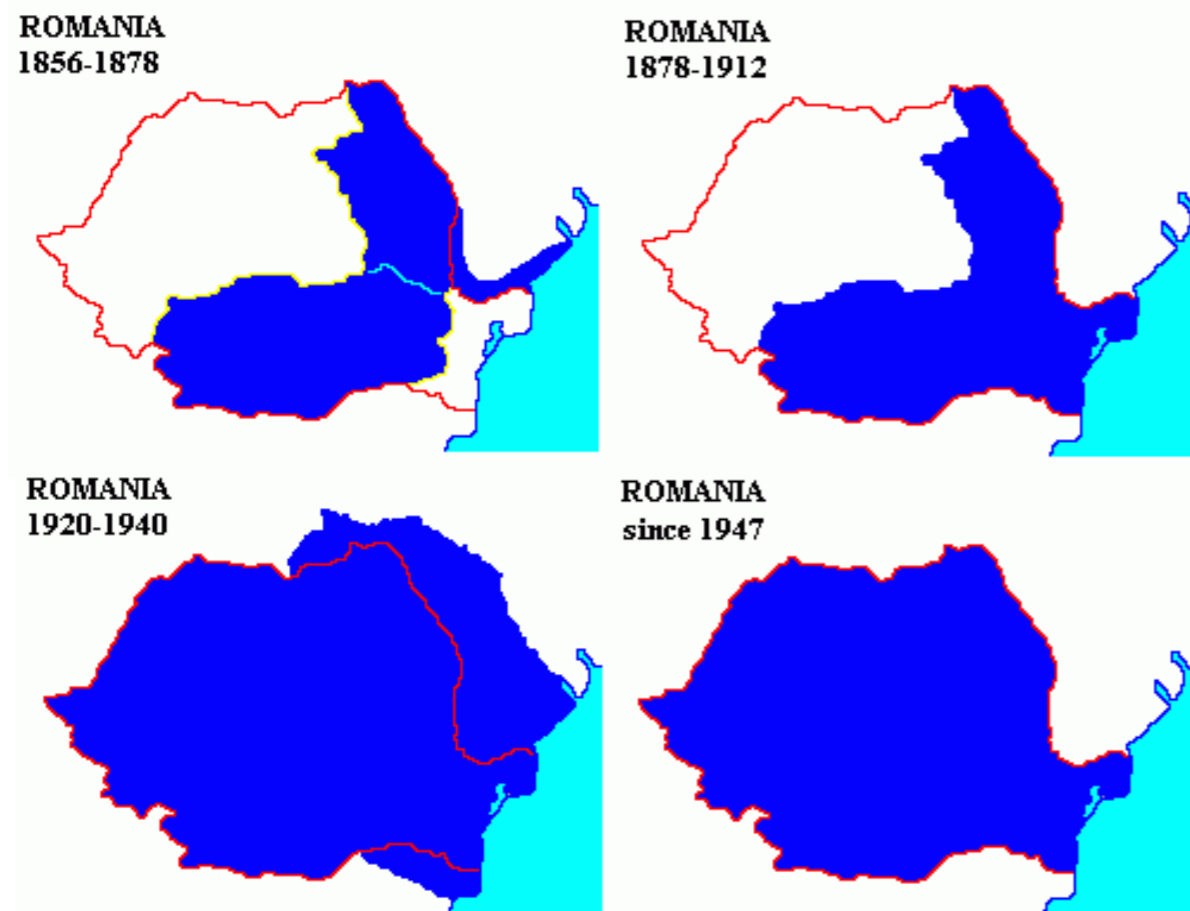
2. Душан Ковачев, Преглед романизације простора Румуније // В сборнике: Румунија и румунизација Срба. - Шабац: Центар академске речи, 2018. С. 42-69.

Раннее средневековье – это эпоха, о которой сегодня имеется весьма малое количество исторических сведений. Одна из редких сохранных хроник фиксирует на просторе Баната конца IX века князя Глада и его государство – **Банатское княжество**, как этнически сербское государственное образование. Этот князь, чья власть распространялась от Дуная на юге и западе до реки Мориш (сейчас – на территории Венгрии) на севере и склонов Карпат на востоке, упоминается в связи с описанием переселения венгров в Паннонскую низменность. После того как в 896 году победили Великоморавское княжество, которое занимало наибольшую часть Паннонии, венгры стали покорять меньшие княжества на юге, на территории сегодняшней Вое-

дел той же территорией и также воевал с венгерским королем Стефаном. И не только это. В одной хронике о нем определенно сказано, что он был потомком князя Глада. Это значит, что князь Ахтум принадлежал тому же правящему роду – династии, к которой принадлежал и князь Глад, и которая правила, возможно, веками, до переселения венгров в славянскую Панонию! **Славянское княжество, которое считалось исчезнувшим в конце IX века, на самом деле продолжила существовать в составе Баната еще более столетия после переселения венгров в Паннонскую низменность.**

В первых аналах франкских царей 818 и 824 годов сохранено четкое упоминание о славянском племени бодричей в этих областях. Бодричи являются одним из крупнейших племен полабских славян, которые веками вели войны на берегах Балтийского моря с немецким государством, так же, как и несколько более южные лужицкие сербы.

Нет точных сведений о том, часть ли племени бодричей переселилась с севера к своим южным братьям или речь шла о многочисленном сербском племени. Большинство исследователей соглашается, что они тогда населяли левый берег Дуная, где-то около нынешнего Панчева и вниз по течению до Ковина, и дальше на восток. Некоторые считают, что именно они были славянским племенем, которое тогда жило и на территории Белграда; даже дали ему имя, которое город сейчас носит, хотя первое славянское племя, которое с названием упоминается в окрестностях Белграда, это племя сербов, в VII веке. В любом случае, первое упоминание славянского названия города в письменных источниках датируется 878 годом, то есть шестью десятилетиями позже первого упоминания бодричей в этих краях. О славянском населении княжеств Глада и Ахтума свидетельствуют и многочисленные находки раннесредневековой славянской керамики в Банате, а считается так же, что имя Глад указывает на славянское происхождение, как многие топонимы с тем же корнем не только в Банате, но и в славянской Прибалтике, а также в других сербских областях на Балканах, в Боснии и на Косово.

воины. Названы также укрепленные города в государстве Глада, среди которых и Ковин, где было оказано последнее сопротивление завоевателям[3].

Между тем, спустя более века в Банате упоминается князь Ахтум, который вла-

3. Марко Алексић, Банатска кнежевина: Заборављена држава Словена // <http://www.rastko.rs/istorija/delo/15427>

РУМЫНИЯ – ГОСУДАРСТВО, СОЗДАННОЕ ЗАПАДНЫМИ СИЛАМИ, ЧТОБЫ РАЗДЕЛИТЬ СЕРБОВ И РУССКИХ

Государство Ахтума уничтожили венгры. Имеются сведения, что Ахтум успешно выдержал первое нападение, но вскоре после этого венгерский король Стефан послал новые силы, которым удалось нанести поражение банатскому князю, который в решающей битве и сам погиб. Считается, что эти события происходили на протяжении всего нескольких лет, что князь Ахтум потерпел поражение около 1028 года. Так в Банате перестала окончательно существовать многовековая самостоятельность сербов, хотя они и дальше продолжали жить на этой территории на протяжении всего средневековья как поданные чужих государств. Лишь после Первой мировой войны часть Баната объединилась с сербами из центральной Сербии, в то время как большинство тех сербов, которые остались вне этого государства, ассимилировано.

Объединение имело и свою предысторию, которая выражалась в формировании сербского воеводства (Сербской Воеводины), а в ее состав входил и весь Банат. «Первый результат в территориальном определении Воеводины имел место в дни революции 1848 года, когда в Сремских Карловцах с 13 по 15 мая состоялась Майская скупщина, которая провозгласила Сербскую Воеводину. Согласно этому решению, Воеводина, как особая автономная территория, включала: Срем с Границей, Бэранию, Бачку с Потийским дистриктом (округом) и Шайкашским батальоном, и Банат с Границей и Кикиндским дистриктом (округом)».[4]

Органы сербской Воеводины на практике никогда не осуществили контроль над названной территорией. Австрийский император 15 декабря 1849 года принял декрет об основании Воеводины Сербии и Тамишского Баната. В состав этой Воеводины вошли Бачка и Банат без Границы, и только Румский и Илочский уезды Срема. Остальная часть Срема досталась Хорватии. Оценив, что ему сербы больше не нужны, и в намерении для своей внешней политики привлечь венгров, император 27 декабря 1860 года лично подписал решение, в соответствии с которым Воеводина ликвидирована и полностью присоединена к Венгрии, за исключением Румского и Илочского уездов, присоединенных к Хорватии [5].

Согласно переписи, проведенной Королевством СХС (31.01.1921), Банат имел 9.776 км² и 582.571 жителей (из которых 3.940 военнослужащих), в их числе сербов – около 240.000, словенцев – 2.139, чехов – 2.081, словаков – 15.544, русинов – 6, болгар – 2.277, поляков – 70, русских – 2.369, венгров – 102.104, немцев – 138.292, евреев - 4.690, албанцев – 375, турок – 91, румын – 72.305 и остальных – около 4.000. По вероисповеданию это были: православные - 310.846, католики – 225.000, греко-католики - 1.649, евангелисты – 39.210, мусульмане – 697, и иных 69, без вероисповедания – 590.

4. Милош Савин, Прикључење Војводине Србији и проблем разграничења са Румунијом и Мађарском // <https://www.kcns.org.rs/agora/prikljucenje-vojvodine-srbiji-i-problem-razgranicenja-sa-rumunijom-i-madjarskom/>

5. Там же.

ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ К ПЕРЕДАЧЕ ВОСТОЧНОГО БАНАТА РУМЫНИИ

После Первой мировой войны не только сербы, но и преимущественное большинство других народов ожидали, что Сербия получит территории, на которых сербы составляют этническое большинство. Однако эти ожидания не осуществились. Дело не только в том, что Сербия не формировалась в этнических границах, но и что некоторые территории немотивированно подарены другим государствам. Одна из таких территорий – восточный Банат, в котором, несмотря на исторические условия, на тот момент существовало сербское большинство. И все же Банат «великими силами» отдан Румынии.

РАЗДЕЛ БАНАТА: СЕРБИИ НЕОПРАВДАННО ДОСТАЛОСЬ МЕНЬШАЯ ЧАСТЬ

Завершение Первой мировой войны и исчезновение Австро-Венгерской монархии с карты мира привели к изменениям политической карты Паннонской низменности. Румыния, Венгрия и Королевство СХС требовали разграничения, но к решению этого вопроса подходили с различными амбициями и принципами улаживания политических условий[6]. Этнический принцип был одним из важнейших, но все рассматривалось также и в контексте геополитики[7]. При всем указанном, на Мирную конференцию 1919-1920 гг. югославянское государство вышло без выстроенной внешней политики, что явилось следствием того, что оно создано в ходе ускоренного процесса множества исключительно больших и важных, а в то же время участвовавших, событий. Помимо этого, сербская наука не обозначила как следует сербскую этническую территорию; да и политики не знали, где и как расселены сербы, особенно в Валахии и Молдавии.

Еще в ходе войны сербское правительство с о. Корфу направила историка Йована Радоница в Лондон с целью собрать информацию о Банате, Бачке и Бараньи. «Как и в вопросах границ со всеми другим соседями, делегация Королевства СХС в январе 1919 года не имела четких представлений Румынии и относительно Венгрии – че-

6. Andrej Mitrović, Razgraničenje Jugoslavije sa Mađarskom i Rumunijom 1919 – 1920. - Novi Sad: Institut za izučavanje istorije Vojvodine, 1975, str. V

7. Например: Румыния создана путем объединения двух государств – Валахии и Молдавии в 1856 году, после поражения России в Крымской войне, с явной геополитической задачей разделить сербов и русских. Новообразованное государство Румыния начало самую brutальную ассимиляцию жителей Валахии и Молдавии, чтобы содать из них румын (при этом всегда скрывалось, кто на самом деле жил на этих территориях). Если же посмотреть в прошлое, то ясно, что большинство жителей Валахии и Молдавии принадлежало к Сербской Православной Церкви, использовало церковнославянский язык и писало кириллицей. В ходе ассимиляции сначала им изменены традиционные народные костюмы, затем имена и фамилии, после этого язык, а в конце концов и письмо. После всего этого сформирована новая, не существовавшая в истории до 19 века, Румынская Православная Церковь неканоническим образом – путем покупки «Томоса» у Фанара. См.: Зоран Милошевић, Извори румунске политике, у зборнику: Анатомија румунске политике, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017, стр. 13-27. Ср.: Сања Шуљагић, Поништавање националних идентитета на Балканском полуострву у деветнаестом веку са посебним освртом на Румунију // В сборнике: Анатомија румунске политике/ приредио Зоран Милошевић. - Центар академске речи, Шабац, 2017, стр. 28 – 67.

го она хочет и какие средства нужно использовать, какие земли намерена требовать и как должна обосновать свои требования, то есть не имела выстроенной политики»[8].

Следующая проблема – состав делегации, в которую вошли хорваты и словенцы с желанием решать свои, а не сербские проблемы. Председателем делегации Королевства СХС на мирной конференции был Никола П. Пашич, а ее членами – доктор Анте Трумбич, доктор Миленко Веснич, доктор Иван Жолгер, Матия Бошкович, доктор Йосип Смодлака и доктор Отокар Рибарж[9]. Сербия имела некоторые представления о том, чего требовать, потому что генерал Петар Пешич (по его имени план и назвали «Пешичевской линией») – глава военной миссии при делегации Королевства СХС, весьма конкретно предложил вариант пограничной линии между Королевством и Румынией (от Дуная возле села Любкова восточнее от Ораовици и на Липово). В соответствии с изложенным замыслом, на территории Королевства СХС остались бы города Бела Црква, Вршац, Темишвар, Кикинда, Суботица, Бая, Печуй и Сигетвар. На разграничения нужно было получить (также) поддержку Британии, Франции и США. Между тем, французы «были друзьями и Румынии», а британцы, якобы, поддерживали французов[10].

Радонич обосновал, почему Банат должен принадлежать Королевству, то есть Сербии: потому, что сербы здесь являются самым давним и самым численным народом, в то время как румынского характера эта область никогда не имела, а румыны появились здесь только в XVIII веке[11]. И Пашич использовал данную аргументацию, указывая то, что «единственно Сербы являются настоящим коренным населением Панонской низменности»[12], а Темишвар лишь «в последнее время мадьяризован и германизирован с конкретным намерением, чтобы у бывшей столицы сербского воеводства отнять сербский характер»[13].

Сербский взгляд на разграничение с Румынией не разделяли члены делегации от Хорватии, что стало ясно из выступления Йосипа Смодлака, который оспорил требования сербов и тем самым помог Румынии[14]. Но дело не только в этом. Хорватские и словенские территориальные проблемы были большим камнем на шее при решении не только банатского банаского вопроса. Хорваты и словенцы были озабочены «адриатическим вопросом», и они о Банате не заботились[15].

С другой стороны, крайне странным было и поведение Николы Пашича, который позволил генералу Пешичу представить свою позицию, бороться, принимать удары на себя, «а на самом деле он смотрел на него лишь как на средство, с помощью которого проверяются настроения и мнения». Споры в делегации Королевства СХС были столь существенными, что не могли не влиять на принятие общего решения. Генерал Пешич 27 января 1919 года проинформировал военного министра: «Наша делегация не может найти согласия в определении наших границ. Югославы создают огромные сложности во взглядах на границы Болгарии, Баната, Бачки и Бараньи». Результат был таковым, что разделенная делегация 28 января приняла решение, которое существенно отличалось от «линии генерала Пешича» (новая линия

8. Andrej Mitrović, Razgraničenje Jugoslavije sa Mađarskom i Rumunijom 1919 – 1920, str. 5.

9. Там же. С.3.

10. Там же. С. 6.

11. Там же. С.9.

12. Там же. С. 24.

13. Там же.

14. Там же. С.29-30.

15. О том, насколько Верховный совет мирной конференции не заботился о сербских интересах, хотя Сербия была на стороне победителей, показывает случай с дунайским островом Ада Кале (затопленным при строительстве гидроэлектростанции на Дунае в 1970 г.). В соответствии с объективными аргументами и местом, где он находился, наиболее оправдано было, чтобы он принадлежал Сербии, т.е. Королевству СХС. Между тем, комиссия остров передала Румынии, с оправданием, что Берлинский конгресс 1878 года обеспечил Австро-Венгрии его оккупировать, а затем и аннексировать в 1908 г. Как остров, расположенный возле Оршавы, а бывший австро-венгерским, он тогда стал принадлежать Румынии. Иными словами, оккупация была признана как основание, чтобы остров не принадлежал Сербии, соответственно Королевству СХС. А тот, кто им владел, становился хозяином нижнего течения Дуная. Ада Кале – ворота для судоходства через Джердап. Хозяева острова менялись, а дольше всего борьбу за контроль над Ада Кале вели Турция и Австрия; эта борьба длилась более пятисот лет. Менялось и название острова. Долгое время он назывался Саан, а происхождение этого названия затеряно где-то во мраке истории. Позднее он был известен также как Каролина - по австрийской крепости, Новая Оршава – по городу Оршаве на румынском берегу, Ада-и-Кебир (Большой остров) – название на смеси арабского, персидского и турецкого языков. Название Ада Кале (по-турецки: Остров-крепость), под которым остров и потонул в Дунае, он получил вследствие строительства большой крепости. См.: Момир Турудиф, Како је потонула Ада Кале, Атлантида на Дунаву, <http://www.carsa.rs/kako-je-potonula-ada-kale-atlantida-na-dunavu/>

проходила не от Дуная на Липово, а на Арад, не включала северную Бачку и северную Баранью, а также на левом берегу Дравы охватывала меньшую территорию, потому что Сигетвар остался на венгерской стороне). Андрей Митрович считает, что эту линию оправданно следует назвать «линией Николы Пашича».

ми, что из Белграда поступила команда, чтобы сербская армия отступила из среднего Баната, а итальянско-ватиканская пропаганда на всех фронтах препятствовала утверждению югославянского государства и его политики.

С острова АДА КАЛЕ контролировалось движение по Дунаю

Фотография с воздуха затопленного острова Ада Кале

После оглашения позиций делегация Королевства СХС и Румынии, а после заседания 31 января 1919 года и Верховный совет, подробнее не занимались этим вопросом. Поскольку 1 февраля были выслушаны и другие требования румын: о Добрудже, Трансильвании, Буковине и Бессарабии, то специалисты великих держав решили создать особую комиссию с задачей изучения вопроса о границе Румынии и выработать предложения. В компетенцию этой структуры входило и установление границ в Банате[16]. Ни югославы, ни румыны не входили в комиссию, которая выносила решение. Во второй половине марта того же года начали распространяться слухи, будто югославянские предложения о разграничении являются крайне плохи-

В начале 1920 года югославянская делегация официально не согласилась ни с одним решением Мирной конференции относительно границ с Румынией и Венгрией, однако фактически, хотя и молча, уже приняла. Она еще придерживалась лишь тактики, что надо оставить двери открытыми вплоть до того, пока не будут поставлены подписи на окончательном тексте мирного договора[17].

16. Там же. С. 75.

17. Там же. С. 238.

Мирный договор с Венгрией был подписан во дворце Трианон 4 июня 1920 года. Результат был следующим: Королевство СХС получило Прекмурье, Меджимурье, Славонию, Срем, часть Бараньи (Батина – Белый Манастырь), наибольшую часть Бачки (Сомбор – Суботица) и западный Банат без части вдоль реки Мориш. Однако не были получены территории, которые практически должны принадлежать Сербии: Мохач, Печуй, Байя, левое побережье на устье Мориша в Тису и область Темишвара. Иными словами, Мирным договором великие державы дали Королевству СХС территории, принадлежавшие словенцам и хорватам (которые сражались в войне на стороне Австро-Венгрии), а сербов, победителей, лишили территорий, на которые они имели право.

На Мирную конференцию делегация Королевства СХС прибыла без выстроенной международной политики. Делегацию составляли четыре члена с мандатом участия в самой конференции: бывший председатель сербского правительства Никола Пашич в качестве председателя делегации, доктор Анте Трумбич, доктор Миленко Веснич. Помимо них в делегацию входили и три члена с совещательным голосом, но без права участия в самой конференции: Матея Бошкович, доктор Йосип Смодлака и доктор Отокар Рибарж. С точки зрения национальностей, делегацию составляли три серба, два хорвата и два словенца. В отличие от других делегаций, в югославянской не было самых ответственных представителей государственной власти. Обращаем внимание также, что среди них не было и представителей сербов из Воеводины, судьба которых решалась и у которых не было оснований полагать, что хорватские и словенские члены делегации были слишком заинтересованы в наиболее благоприятном разграничении в Банате, Бачке и Баранье, учитывая то, что вопрос разграничения с Италией и Австрией не был решен. Сербские члены делегации имели хорошо разработанный план разграничения с Венгрией и Румынией, так называемый “План Пешича”, названный по фамилии генерала Петра Пешича, главы военной миссии при Мирной конференции. В соответствии с этим планом, в пределах Королевства СХС должны были остаться Белая Церковь, Вршац, Темишвар, Кикинда, Суботица, Байя, Печуй и Сигетвар. «Линия Пешича» подверглась критике членов югославянской делегации, которые считали, что, пожалуй, более целесообразно пожертвовать части Баната и Бачки ради большего выигрыша на Адриатике. Со временем, линия Пешича

заменилась линией Пашича, названной по фамилии Николы Пашича, которая официально пропагандировала уравновешенное решение, тогда как в действительности продолжала отстаивать позиции, отраженные «линией Пешича». В соответствии с «линией Пешича», югославянскому Банату принадлежало бы примерно 685.000 жителей, из которых около 265.000 сербов и около 95.000 румын, тогда как в рамках «линии Пашича» было бы около 656.000 жителей, из которых 258.000 сербов и 85.000 румын. Наперекор югославянской делегации, в знак максимального компромисса, на который они были готовы пойти, Румыны были согласны отказаться только от миниатюрного кусочка Баната – треугольника между Перлезом, Панчевом и Белградом, необходимого для военной обороны Белграда. Югославянская делегация имела большую поддержку Франции, Англии и США. Только относительно территории Баната французы вели политику, очень сбалансированную между Румынией и Королевством СХС. Хотя многие историки оспаривают этот факт, новые доказательства подкрепляют тезис, что по вопросу разграничения в Банате значительную роль играло и лоббирование Михаила Пупина. Великие державы, хотя и поддерживали, все же затягивали с признанием Королевства СХС, доводя до сведения, что окончательные границы его, равно как и венгерские и румынские, в первую очередь зависят от их воли. Имелись и откровенно враждебно настроенные державы-победительницы – такие, как Италия, которая в создании югославянского государства видела угрозу для своих геополитических интересов, прежде всего на Адриатике. Территориальная комиссия Парижской Мирной конференции не приняла ни одного сербского или румынского предложения о разграничении в Банате. После решения комиссии осуществлялась политика небольших территориальных изменений [18].

ПОЧЕМУ КОРОЛЕВСТВО СХС СОГЛАСИЛОСЬ ОТДАТЬ ВОСТОЧНЫЙ БАНАТ?

Отказ сербской (югославянской) делегации от Баната на Парижской Мирной конференции, когда речь заходит о Банате, объясняют женитьбой короля на Марии (Marie von Hohenzollern-Sigmaringen), румынской принцессе немецкого происхождения [19]. По свидетельствам современников королевской боачной пары, Мария вы-

18. Милош Савин, Прикључење Војводине Србији и проблем разграничења са Румунијом и Мађарском, // <https://www.kcns.org.rs/agora/prikljucenje-vojvodine-srbiji-i-problem-razgranicenja-sa-rumunijom-i-madjarskom/>

глядела божественно, однако была той, которая принимала решения в управлении новым государством (и выглядела умнее и смелее Александра). Так и появились слухи, будто Мария и ее мать уже “взяли под свою опеку” югославянского престолонаследника, который сделал большие уступки Румынии не только в территориальном, но и в церковном смысле. Сватовство и венчание молодых происходило параллельно с решением статуса Баната. Сербь из этого края, некоторые генералы и многочисленные политики, были огорчены принятием решения, что Королевству СХС будет принадлежать малый кусочек Баната, вместо всей равнинной части. Многие были убеждены, что уступчивость сербской делегации на Парижской мирной конференции была обусловлена и королевской женитьбой.

Сторонники идеи “Великой Румынии” (Romania Mare) включали весь Банат до Тисы и до Дуная в свои проекты. Они не обращали внимания на численность сербского народа в той австро-венгерской области. Опять же и Европа вела себя так, будто сербов не существует[20]. Понятно, что наши “друзья и союзники” даже не спрашивали согласия у Сербии. Так что нам осталось только ждать и терпеть. Хотя уже и была явно обнаружена Нишская декларация (1914), которая содержала упоминание сербского Баната как неотъемлемой части!

Чтобы сорвать победный поход сербских войск, местные немцы и венгры из Баната 31 октября 1918 года, после капитуляции Австро-Венгрии, провозгласили независимую “Республику Банат” с центром в Темишваре. Главный замысел их и требования заключались в том, чтобы эту область вместо сербских сил заняли силы Антанты. Они хотели таким образом обеспечить континуитет Венгрии и оставить сербский Банат в составе новой Венгрии. Их идея просуществовала ровно до прихода первого сербского батальона. Увидев сербов, “отважные” основатели надуманной республики бежали. И бежали они в тогда “революционный Будапешт” от гнева сербского народа, который не был даже оповещен о таком “самоопределении банатчан и банатчанок”. Собственно, вожди самопровозглашенной “Банатской республики” попытались организовать и путч 20 и 21 февраля 1919 года в городах Венгрии, но сербские войска им в этом помешали.

Определение границ Воеводины, т. е. границ нового югославянского государства, по отношению к Румынии и Венгрии, представляло большую проблему. С точки

зрения югославян, только границы Срема были бесспорными. Баранья, Бачка и Банат были тремя отдельными жупаниями в венгерской государственно-административной системе, которая была признана в ходе переговоров о разграничении[21]. Параллельно с процессом югославянского объединения пришло время и объединения румынского народа. На национальном собрании в Алба-Юлии (бывшем Белом граде-Белграде) 1 декабря 1918 года румынские депутаты приняли решение о присоединении Трансильвании (бывшего Эрделя) и Баната к королевству Румынии. Помимо Румынии Венгрия тоже, несмотря на поражение в войне, располагала историческим, а также подобно сербам и румынам, и национальным правом на Банат, Бачку и Баранью. К решению напряженной геополитической проблемы подошли на Мирной конференции в Париже, которая началась 18 января 1919 года в Версальском дворце[22].

А сербы, с Пашичем во главе, хорошо держались в Париже. Они убедительно доказывали, чем является Банат на протяжении веков для Сербии и моравско-вардарской долины. Что в нем только сербы настоящие старожилы, а все остальные (даже румыны) были “пришельцами”, “чужаками”. А о том, кто и с какого времени живет на просторах Баната, лучше всего свидетельствовали религиозные объекты. У делегации имелся и важный козырь – сербская армия заняла Банат.

Румыны, среди которых и влиятельная королевская чета, имели свой козырь. Они угрожали: если Банат не присоединится к ним мирным путем, проблема будет решена штыками. Были ли румыны тогда в военном плане превосходящими, мнения различаются. Сербская армия была численно сокращена и разбросана по всей стране, от Деведжели до Триглава (и дальше), от Темишвара до Задара. Румыния также, как и Сербия, т.е. новое югославяское государство, была в ряду союзников и победителей. Но как одну, так и другую в среде великих представляла Франция. Какую сторону принять – сербскую или румынскую, или чтобы штыки ударили по по-

19. Буро Загорац, Краљев дар – Банат // Вечерње новости, 16. јун 2007

20. Ненад Благојевић, Срби, Банатске игре и Румунија // <http://www.carsa.rs/srbi-banatske-igre-rumunija/>

21. Милош Савин, Прикључење Војводине Србији и проблем разграничења са Румунијом и Мађарском // <https://www.kcns.org.rs/agora/prikljucenje-vojvodine-srbiji-i-problem-razgranicenja-sa-rumunijom-i-madjarskom/>

22. Там же.

граничным столбам? Принято решение о разделении, при котором Румыния получила большую часть Баната и так и осталась без сербского Темишвара (который является исторической столицей Баната и в котором, помимо прочего, родились Милош Црнянский и Доситей Обрадович).

Общественное мнение как-то легко восприняло утрату восточного Баната. Внимание общественности перенаправлено на венчание королевской пары в соборной церкви и на то, кто имеет честь сидеть за свадебным столом, а вместе с этим и как он выглядел, как был одет. Свадьба долго была главной темой не только для белградских дам [23]. Успешные и удачно вышедшие замуж женщины полностью обратились к западной моде, народно-традиционное подавлялось. Для женщин звездами свадьбы были румынки, дочь и мать. А мужчины? Шафер, принц Альберт - герцог Йоркский, сын английского короля, получил всеобщие симпатии. И офицерская униформа, и гражданская одежда на нем сидела как влитая, а его общение и шарм действовали чарующе. Принц, а позднее и король, больше всего поспособствовал тому, чтобы Александр дополнительно утвердился в Западной Европе, к которой был полностью обращен. Так восточный Банат оказался забытым, а сербы на этой территории подвергнутыми ассимиляции. В настоящее время, согласно официальным румынским данным, в этом государстве проживет всего 19.000 сербов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексић, Марко: Банатска кнежевина: Заборављена држава Словена, <http://www.rastko.rs/istorija/delo/15427>
- Благојевић, Ненад: Срби, Банатске игре и Румунија, <http://www.carsa.rs/srbi-banatske-igre-rumunija/>
- Загорац, Ђуро: Краљев дар – Банат, Вечерње новости, 16. јун 2007.
- Ковачев, Душан: Преглед романизације простора Румуније, у зборнику: Румунија и румунизација Срба, Центар академске речи, Шабац, 2018.
- Мазур, Свјатослав: Румунија – држава – паразит створена по канонима древног Рима, у зборнику: Румунија и румунизација Срба, Центар академске речи, Ша-

бац, 2018.

- Mitrović, Andrej: Razgraničenje Jugoslavije sa Mađarskom i Rumunijom 1919 – 1920, Institut za zučavanje istorije Vojvodine, Novi Sad, 1975.
- Милошевић, Зоран: Извори румунске политике, у зборнику: Анатомија румунске политике, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017.
- Савин, Милош: Прикључење Војводине Србији и проблем разграничења са Румунијом и Мађарском, <https://www.kcns.org.rs/agora/prikljucenje-vojvodine-srbiji-i-problem-razgranicenja-sa-rumunijom-i-madjarskom/>
- Турудић, Момир: Како је потонула Ада Кале, Атлантида на Дунаву, <http://www.carsa.rs/kako-je-potonula-ada-kale-atlantida-na-dunavu/>
- Шуљагић, Сања: Поништавање националних идентитета на Балканском полуострву у деветнаестом веку са посебним освртом на Румунију, у зборнику: Анатомија румунске политике, приредио Зоран Милошевић, Центар академске речи, Шабац, 2017.

REFERENCES:

- Aleksić, Marko: Banatska kneževina: Zaboravljena država Slovena, <http://www.rastko.rs/istorija/delo/15427>
- Blagojević, Nenad: Srbi, Banatske igre i Rumunija, <http://www.carsa.rs/srbi-banatske->

23. И еще один вопрос занимал как государственных деятелей, так и народ. Его задавали шепотом: здоров ли король Александр, способен ли дать потомство – престолонаследника? Если нет, то к чему все это? Лишь самые близкие к Александру знали о его болезни. Еще как регент, Александар болел воспалением тестиса. Долго лечился, а после перехода через Албанию (в 1915 г.) его состояние ухудшилось, и пришлось делать операцию. Эта болезнь связывала престолонаследника, а представителей верха государственной власти, особенно Николу Пашича, вводила в разные искушения. После освобождения и создания нового государства "мужской стороне" Александра посвящено много внимания. Ему приводили женщин, чтобы и практически могла подтвердиться его половая сила. В результате одной из таких проб (с женщиной-врачом из Франции) родился здоровый ребенок. Не мальчик, не наследник, но эта Елена была доказательством, что можно ожидать также наследника. Все сомнения, строго конфиденциальные письменные и устные сообщения, развеяны уже после года королевского брака. Родился Петр II (1923-1961), а за ним еще два брата.

igre-rumunija/

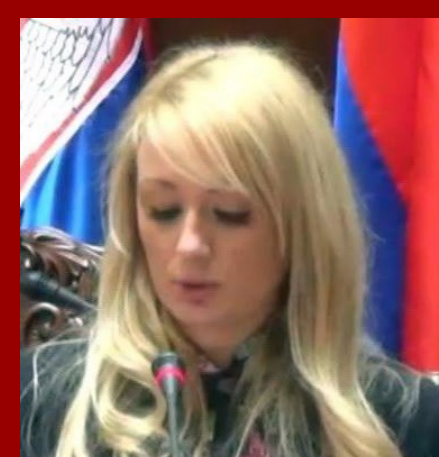
- Zagorac, Đuro: Kraljev dar – Banat, Večernje novosti, 16. jun 2007.
- Kovačev, Dušan: Pregled romanizacije prostora Rumunije, u zborniku: Rumunija i rumunizacija Srba, Centar akademske reči, Šabac, 2018.
- Mazur, Svjatoslav: Rumunija – država – parazit stvorena po kanonima drevnog Rima, u zborniku: Rumunija i rumunizacija Srba, Centar akademske reči, Šabac, 2018.
- Mitrović, Andrej: Razgraničenje Jugoslavije sa Mađarskom i Rumunijom 1919 – 1920, Institut za zučavanje istorije Vojvodine, Novi Sad, 1975.
- Milošević, Zoran: Izvori rumunske politike, u zborniku: Anatomija rumunske politike, priredio Zoran Milošević, Centar akademske reči, Šabac, 2017.
- Savin, Miloš: Priključenje Vojvodine Srbiji i problem razgraničenja sa Rumunijom i Mađarskom, <https://www.kcns.org.rs/agora/prikljucenje-vojvodine-srbiji-i-problem-razgranicenja-sa-rumunijom-i-madjarskom/>
- Turudić, Momir: Kako je potonula Ada Kale, Atlantida na Dunavu, <http://www.carsa.rs/kako-je-potonula-ada-kale-atlantida-na-dunavu/>
- Šuljagić, Sanja: Poništavanje nacionalnih identiteta na Balkanskom poluostrvu u devetnaestom veku sa posebnim osvrtom na Rumuniju, u zborniku: Anatomija rumunske politike, priredio Zoran Milošević, Centar akademske reči, Šabac, 2017.

ФОРМИРАЊЕ КРАЉЕВИНЕ СРБА, ХРВАТА И СЛОВЕНАЦА 1918. ГОДИНЕ У ДРУШТВЕНО-ПОЛИТИЧКОЈ МИСЛИ МОДЕРНЕ СРБИЈЕ(*)
ФОРМИРОВАНИЕ КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ В 1918 ГОДУ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОЙ СЕРБИИ(*)

THE FORMATION OF THE KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENES IN 1918 IN THE SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF MODERN (*)

Драгана Трифковић, политички научник, директор Центра за геостратешке студије (Београд, Србија);

Драгана Трифкович, политолог, директор Центра геостратешких истраживања (Београд, Србија);

Dragana Trifkovic, political scientist, director of the Center for Geostrategic Studies (Belgrade, Serbia);

Борисав Јондовић, докторант на Филозофском факултету Универзитета у Београду (Београд, Србија)

Борисав Джондович, докторант факултета философије Белградског универзитета (Београд, Србија)

Borisav Jondovich, PhD student at the Faculty of Philosophy, University of Belgrade (Belgrade, Serbia)

САЖЕТАК. Чланак се бави историјом стварања једне државе јужних Словена - Југославије као јединственог искуства изградње државе народа сличног порекла и културе и језика, али другачије у свом историјском искуству и конфесионалној традицији. Такође даје оцјену недавне историјске прошлости са становишта савремених становника бивше Југославије.

КЉУЧНЕ РЕЧИ. Краљевина Срба, Хрвата и Словенаца, Краљевина Југославија, Србија, државна зграда, изградња нације.

РЕЗЮМЕ. В статье рассматривается история создания единого государства южных славян - Югославии как уникального опыта государственного строительства близких по происхождению и культуре и языку народов, но разных по своему историческому опыту и конфессиональной традиции. Также дается оценка недалекому историческому прошлому с точки зрения современных жителей бывшей Югославии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Королевства сербов, хорватов и словенцев, Королевство Югославия, Сербия, государственное строительство, нациостроительство.

ABSTRACT. The article deals with the history of the creation of a single state of southern Slavs - Yugoslavia as a unique experience of state-building of peoples of similar origin and culture and language, but different in their historical experience and confessional tradition. It also gives an assessment of the recent historical past from the point of view of the modern inhabitants of the former Yugoslavia.

KEY WORDS. Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Kingdom of Yugoslavia, Serbia, state building, nation-building.

Данас живимо читав један век од времена када је победа српске војске у Првом светском рату омогућила проглашење прве Југославије 1918. Ратни циљеви Србије постављени су у две декларације Нишкој (1914) и Крфској (1917) године. Победа Савезника у Првом светском рату довела је на овом простору да Србија и династија Карађорђевића, прогласе 1.12.1918 краљевину Срба-Хрвата и Словенаца. Краљевину су формирале две тада српске државе Србија и Црна гора, која се припојила Србији, а исто су урадили Срем и после Војводина (тада је Војводина састављена од Баната, Бачке и Барање) после тога се овај простор уједињује са другим јужнословенским територијама које су чиниле Хабзбуршку монархију. Простор данашње независне Македоније је у то време у саставу Србије. После турбулентних дешавања и политичке нестабилности 1929. године држава мења име у Југославија и краљ Александар Карађорђевић заводи диктатуру. Диктатура је остала на снази све до његовог убиства у Марсеју 9.10.1934. године. У Другом светском рату Југосла-

вија је подлегла ударима Трећег рајха и велику цену платио је пре свега српски народ, који се на овом простору кроз прво званичну војску, а онда и два покрета отпора супротставио непријатељу. Завршетак рата довео је до формирања нове југословенске државе под руководством Комунистичке партије. Партија је постала главни стуб новог југословенског друштва. Обрачунавала се са противницима, сукобила са остатком социјалистичке Европе, уништавала интелектуалну елиту пре свега Срба. Уопштено удар на Србе као стуб претходне монархистичке државе био је најјачи. Кренуло се у процес стварања нове нације од Црногораца, који су до тада истицали себе као предводнике Српства. На северу данашње Македоније масовно се српска

*Текст доклада на Међународној научној конференцији «Нацио­стро­итель­ство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

презимена са ић преводе на македонска са ски. Број Албанаца на Косову и Метохији додатно се повећава. Та држава је имала специфичну судбину током хладног рата да формално не буде део ни једног блока и да учествује у стварању покрета Несврстаних. Истини за вољу морамо рећи да је у једном периоду била у војном савезу са Грчком и Турском тада већ чланицама НАТО-а (Бледски споразум). Југословенска држава је пролазила и многе унутрашње кризе, мењала уставе, водила борбу против преживелих монархистичких јединица у српским крајевима све до краја 40 их година. Незапосленост и неразвијена индустрија, недостатак хране су само најважнији проблеми државе. Југославија до пред 1941 аграрни извозник, постала је увозник хране због неуспеха социјалистичке земљишне реформе, која је другачије спровођена него у другим земљама. Незапосленост је решавана тако што је споразумно пре свега Немачка, а и друге земље у мањој мери, једноставно примала огромну војску незапослених из Југославије. Хипер инфлације биле су свакодневница, а индустријализација је извршена на основама које уопште нису рационалне. Међутим сарадња и са западом и истоком, кредити и одлив незапослених у иностранство су створили привид да је социјалистичка Југославија земља са највишим стандардом у социјалистичком делу Европе. Социјалистичка Југославија није дуго надживела свог доживотног председника Јосипа Броза Тита. Држава је кренула да се распада са падом Берлинског зида. Србија је вратила своју контролу над покрајинама Војводином и Косовом и Метохијом, Словенија је све више кретала самосталним путем, а у СР Хрватској пробудили су се духови Другог светског рата. Појава вишестраначја је створила тврдо националистичку странку често са усташким (хрватски нацисти из Другог светског рата) фолклором. Ову странку је водио бивши генерал Титове војске Фрањо Туђман, а као против тежа у граду Книну, најзападнијем упоришту српских монархиста у Другом светском рату, локални Срби формирају Српску Демократску Странку. У суштини у већини република десио се процес да су функционери социјалистичке државе пресвучени у нове боје и идеологије формирали нове власти. Сукоб се после вишестраначких избора у Хрватској пробудио, ХДЗ је преузео власт и кренуо да уводи нова обележја и правила, што су Срби кренули да осећају као повратак Хитлерове квислиншке независне Хрватске. Ово је условило да у Книну и околини Срби подигну побуну против Републике Хрватске. На челу побуне нашла се Српска Демократска Странка. У

другим крајевима Хрватске насељеним Србима, Срби су гласали за странку наследника комунистичке партије и дали подршку идеји југословенства. Међутим победа ХДЗ-а је ускоро побуну проширила на све крајеве. Југославија је кренула путем крвавог распада. Све Републике сем Црне горе и Србије напустиле су југословенску федерацију. Легалност овог чина код многих република је врло дискутабилна. Срби су прогласили отцепљење и формирали Републику Српску Крајину у Хрватској и Републику Српску на просторима Босне и Херцеговине. Водио се рат између Срба, Хрвата и муслимана. Две српске државе које су се ујединиле 1918 Србија и Црна гора, формирале су нову Југославију. Ово показује да се изгледа само код Срба у одређеној мери та идеја примила. У ратним годинама Црна гора и њено руководство су предњачили у српском национализму. Тада млади Мило Ђукановић, а данас најдуговечнији политичар на власти у Европи, предњачио је у ватреним изјавама и подршци српским самопроглашеним државама. Од почетка се видело да војни противници Срба имају подршку запада, све ово је условило војним мешањем НАТО алијансе против Срба. Ово је довело до нестанка Републике Српске Крајине и Срба на њиховим најзападнијим етничким просторима, а Република Српска је под ударима остављена сама и без војне помоћи, на крају морала да настави своје постојање у лабавој конфедерацији Босни и Херцеговини, са друга два зараћена народа. Међутим процес дезинтеграције се није ту завршио. Убрзо на ред дошла је и војна интервенција НАТО-а и рат са Албанцима Србије и Црне горе односно Савезне Републике Југославије. После отвореног сукоба са НАТО алијансом и потписивања Кумановског споразума и резолуције 1244 УН српска војска и полиција напустили су Косово и Метохију. Формално тај простор је остао у саставу Србије, али међународне снаге су дошле да уведу мир између Срба и Албанаца и Срби су доживели погром у већини места. Режим у Црној гори више није наступао тврдо српски већ је прешао или се вратио у процес стварања нове црногорске нације од тог дела Срба. Ово и међународне околности су довеле до проглашења независне Црне горе 2006 године на врло могуће нелегалном референдуму. Срби у Црној гори, или они који су то остали, су током 21 века сведени на грађане другог реда. Некада српске ратне перјанице, данас се одричу свега што је српског и доказују да нису Срби. Тврде како се Црна гра није добровољно присјединила Србији 1918. године, већ су је Срби окупирани. На простору Косова и Метохије 2008. године долази до нелегалног

самопроглашења већински албанске Републике Косово. За разлику од Републике Српске и Републике Српске Крајине западне земље су одмах редом подржале ову самопроглашену државу. Србија тако 100 годишњицу проглашења Југославије чека у јако лошем стању. Србија је у југословенској епохи доживела губитак Македоније, посебно становништва на северу које је имало српски национални идентитет, почетак стварања црногорске нације, изгубљене су и опустеле најзападније Српске територије, Косово и Метохија су под протекторатом стране силе и притисци на Србију да призна губитак и овог дела територије су константни. Истовремено као једини успех распада Југославије за српски народ је стварање и опстанак Републике Српске у лабавој конфедерацији са Хрватима и муслиманима (данас Бошњацима). Као и на Србију константни притиска западних земаља је и на Републику Српску. Доживљен је демографски слом због скоро 50 година константног исељавања становништва према западу и пада natalитета што је већ глобални проблем не само српски. Поставља се јасно питање шта је то Србија добила југословенском идејом и експериментом. Губитак територија и расрбљавање српског становништва су последице последњих стотину година. Многи успеси ратова 1912-1918 су изгубљени. Други светски рат је увео још додатну димензију сукобом два покрета отпора равногорског и комунистичког. Ова деоба је и данас присутна у друштву Србије.

Актуелна обновљена вишепартијска политичка сцена Србије је хаотична и у неку руку се вратила у доминацију једне политичке организације. Тренутно не постоји ни једна политичка организација, бар не релевантна и парламентарна, која заступа југословенску политичку идеологију. Осећај југословенског неуспеха је евидентно присутан. Постоје и осећаји пре свега у старијим генерацијама жала за заједничком државом. Доста ових осећаја је везано за личне осећаје људи, жал за младошћу, неиспуњена очекивања, хаотичност данашњег друштва у Србији. Јасно је да би успела федерална вишенационална држава, највећи народ са историјом државотворности треба да поднесе највећу жртву. Међутим многе српске жртве данас делују и узалудно. Данашњи бастион идеје југословенства би била нека врста прозападне либералне елите у Србији која нема претераног утицаја на шире народне масе. Простор бивше Југославије сем Србије и Босне и Херцеговине,

захваљујући Републици Српској, данас се нашао у НАТО алијанси. У Србији и Републици Српској један од ретких консензуса ширих маса јесте не улазак у НАТО оне који су отворено нападали и убијали Србе у ратовима 90их година 20. века. Међутим утицај западних земаља на политичку сцену Србије, а првенствено Сједињених Америчких Држава је огроман. Имали смо случајеве да амерички амбасадори отворено изјављују које политичке опције су непожељне за њих у владама Србије. По правилу ради се о евроскептични политичким организацијама које су често и прожете проруским осећајима због језичке сличности, вере, заједничке борбе у светским ратовима. Нема сумње да многе политичке организације из Србије вуку корене из Југославије тако је Социјалистичка Партија Србије јасни наследник некадашње Комунистичке партије. Највећи утицај на актуелну политику у Србији вероватно има жеља многих актера да копирају систем рада и контроле КПЈ и самим тим постану најважнији политичко друштвени чиниоци живота у Србији. Паралела данашње Србије може да се вуче и са покретом Несврстаних. Као што тада Југославија није формално отворено улазила у сукобљене војне савезе, тако данас Србија формално задржава позицију војне неутралности. Све бивше социјалистичке земље су редом улазиле у НАТО алијансу, чак и прибалтичке републике бившег СССР-а. Рат који се водио на просторима бивше Југославије сада се води на простору бивше совјетске Републике Украјине. Југословенски сукоб Срба и Хрвата се у некој мањој мери прелио и на ово поднебље. Срби се добровољно боре у руској војсци у Донбасу, а Хрвати у нацистичким добровољачким батаљонима. Већинска српска јавност за разлику од власти евидентно отворено симпатише проруске снаге, а хрватска прозападне у Украјини.

Оно што се такође мора приметити је да тема Југославије све мање заокупља медије, расправе и животе људи. Како време пролази и како живот иде даље нове теме постају актуелније за већину људи и политичку сцену Србије. Оно што је исто тако евидентно да после пропасти југословенског пројекта у српској јавности не постоји јасно дефинисан нови национални циљ и консензус свих политичких и друштвених актера куда даље. У једном тренутку деловало је да је политика приступања Европској Унији и пут Србије ка тој организацији нови правац кретања. Међутим после много година изазова и притисака евидентно је да тај правац ем губи на подршци,

ем више нико и не верује у скори улазак Србије у ову организацију. На крају крајева из саме Европске Уније стижу поруке да дуго година неће бити проширења и примања нових држава чланица у њене редове. Још једна последица југословенске епохе се оцртава на политичкој сцени Србије. Потреба за јаким лидерима. Као што је то био Краљ Александар Карађорђевић или Пашић, Мачек, Стојадиновић као политички лидери краљевине. Као Јосип Броз Тито доживотни владар који се угледао на свог монархистичког претходника или нови лидери пре свега на српским етничким територијама који су претендовали да на свом терену постану нека врста новог Тита. Србији и српским територијама је потребан одмор и обнова, пре свега дефинисање нових јасних националних циљева. Лечење од грешака, а често и заблуда прошлости.

Постоји још једна димензија политике и политичке сцене пре свега код Срба на просторима бивше Југославије, а то је руски фактор. Краљевине Србија и Црна гора су биле блиске сараднице Русије Романових. Комунизам и борба у ратовима су ту донели нову димензију. Вечна српска захвалност за обнову државности и спас српске војске у повлачењу 1916 су формирали јаке осећаје братства према Русима код Срба. Није реално до сада било руско отворено мешање у изборне процесе у Србије, али пропагандно руски фактор је јако битан за политичку сцену Србије. Наде и погледи ка Русији која је превазилажењем хаоса по распаду СССР-а кренула опет да ступа на светску позорницу су присутне у Србији, Републици Српској и српским странкама у Црној гори. Чак и политичке организације које по делима заступају прозападну политику јавно увек наступају са позиција братства и пријатељства Србије и Русије. Медијска прича братства и јединства југословенских народа у многим српским медијима је уступила место братству Срба и Руса. Два народа који су пропатили и поднели огромне жртве у 20 веку, а на крају истог доживели неуспех пута и идеологије којим су ишли кроз тај век.

Стота годишњица стварања државе јужних Словена ће проћи без велике помпе, славља и свечаности код Срба и код других народа који су живели заједно већи део 20 века, а политичари ће наставити да се воде прагматизмом и интересом који како стоје ствари више није југословенство.

Ипак, иако је Србија поднела највећи терет распада заједничке државе, у делу српског друштва и даље постоји југословенски сентимент. У српској јавности се воде

повремено оштре полемике око два супротстављена становишта. Једно заступа тврдње да је југословенска идеја била погубна за Србе, док друго становиште и даље позитивно оцењује југословенско искуство. Оно што је карактеристично за поборнике југословенске идеје, то је да су већином оштри критичари српског патриотизма. Већина заговорника про-југословенских ставова је своју мисао развијала од полазних комунистичких идеја које су прерасле у приврженост демократији а затим либерализму. Они су данас у већини случајева представници либералних структура у српском друштву, које поред југословенских идеја промовишу и западне вредности.

Ипак мало је реалних аргумената у пропагирању југословенске идеје данас, јер уколико се озбиљно анализирају дешавања у претходних сто година, може се доћи до закључка да је Србија много тога уложила у Југославију а да је из ње изашла као губитник.

Србија је била победник у Првом светском рату, и ту победу је остварила уз велику жртву. Она је изгубила трећину становништва, што је процентуално највећи губитак за један народ у том рату. Своју победу је унела као залог у Југославију. У Другом светском рату су вођени међусобни сукоби у Југославији како по етничким тако и по идеолошким основама. Након Другог светског рата, Србија није тражила правду за своје жртве, а комунистичка Југославија је пропагирала братство и јединство са којим се косила потреба за задовољавањем правде. Када је почео распад Југославије, Срби су се до последњег момента борили за опстанак те државе, иако је то било погрешно. То је био моменат за дефинисање нове стратегије Србије, али уместо тога ми смо се бавили опстанком Југославије, иако то није било могуће. Покушај српске елите да дефинише проблеме са којима је српски народ суочен, неславно је оспорен још пре почетка распада Југославије. Током 1985. и 1986. године израђен је документ Српске академије наука и уметности, познат по називом Меморандум САНУ. Нацрт овог документа објављен је у новинама 1986. године и изазвао је доста негативних реакција. Основне тезе овог документа заправо су само констатовале чињенично проблеме са којима је српски народ суочен као и економске проблеме са којима је суочена Југославија. Неке од тврдњи изнетих у овом документу биле су:

- ♦ Србија је дала 2,5 милиона жртава за Југославију (У Првом и Другом светском рату) а сада је жртва те државе.
- ♦ Током последњих 50 година Срби су два пута били жртве физичког уништења, асимилације, покрштавања, културног геноцида, идеолошке индоктринације, а тврди се да то нема никаквог значаја.
- ♦ Ако Југославија пропадне, Србија мора да се окрене својим националним интересима.
- ♦ Албанци су починили геноцид над Србима на Косову.
- ♦ Српско питање неће бити решено пре стварања пуног националног и културног јединства српског народа без обзира где они живе.
- ♦ Постоји велика дискриминација Срба на Косову и у Хрватској.
- ♦ Постоји потреба за уставним променама у Југославији због малтретирања и слабљења Србије.
- ♦ Словенија и Хрватска су преузеле контролу над српском економијом. Југославија изводи индустрију из Србије.

У меморандуму се између осталог тврдило да је Јосип Броз Тито додатно ослабио Социјалистичку Републику Србију поделом територије и стварањем аутономних покрајина Војводина и Косово, што није урађено ни у једној другој југословенској републици. Захтевала се темељна реорганизација државе.

Иако документ није усвојен, већ је одмах након објављивања у новинама осуђен за подстицање национализма, до данашњих дана постоје приговори на рачун Србије због тог документа. Многи чак сматрају да је Меморандум САНУ имао кључни утицај на распад Југославије. Иако је тадашње руководство Савеза комуниста Југославије такође осудило документ, укључујући Слободана Милошевића и Радована Караџића, критичари овог документа су тврдили да је он заправо био главна смерница у каснијем деловању ових политичара. Након потпуног дебакла Меморандума и жестоких осуда на рачун њених аутора, блокирана је свака могућност за развој нових идеја у правцу решавања нагомиланих проблема.

Јасно је уочљиво да је руководство Србије деведесетих година деловало без

икаких стратешких планова и да се прилагођавало наметнутим ситуацијама. Слободан Милошевић је проглашаван од фактора стабилности на Балкану до балканског касапина, у зависности од његовог односа са Западом и реаговања у датим околностима. Управо не постојање озбиљне стратегије државног руководства Србије у најтежим моментима распада Југославије, додатно је деградирало српске позиције. С друге стране, за прављење стратегије је предуслов да су на власти структуре које се залажу за очување државних и националних интереса а Милошевићева власт се заснивала пре свега на заштити личних интереса и бризи за очување власти.

Данас је међутим велика опасност то што политичке елите формиране под утицајем Запада, воде Србију у једну другу заблуду која се зове Европска Унија. Иако још увек нисмо извукли поуке из претходног искуства у Југославији, нити усвојили државну стратегију, ми се крећемо безалтернативним путем европских интеграција. Европска Унија није ништа друго него наднационална организација слична Југославији, која је суочена са бројним проблемима и која показује озбиљне знаке слабости. У таквој ситуацији је врло ризично да прима нове чланице, посебно оне државе које су и саме нестабилне. За Србију европске интеграције значе прелазак из једног неуспелог система у други који је у силазној фази, и у томе не постоји никаква могућност за стварање нових вредности. Додатна опасност представља чињеница да Србија након распада Југославије није успела да се стабилизује и консолидује, већ се годинама неуспешно бори са деструктивним тенденцијама. Практично распад Југославије према намерама западних сила још увек није завршен док се од Србије не одвоји јужна српска покрајина Косово и Метохија а могуће је да исте намере постоје и према северној покрајини Војводини. У таквим условима Европска Унија се нуди као спасоносно решење да би се тобож зауставили даљи дезинтеграциони процеси али заправо ЕУ није никакав гарант. Остаје као основни проблем недостатак стратегије и државне политике која би пре свега била усмерена на заштиту интереса српског народа ма где они живели. То је предуслов за било какав бољитак положаја српског народа, и док се он не испуни није реално очекивати да ће ситуација ићи у позитивном смеру, већ ће се негативни и деструктивни процеси наставити. Садашње структуре власти су практично исте оне из деведесетих година прошлог века која су

поникле из Социјалистичке партије Србије и Српске радикалне странке. Иако је њихова реторика испуњена пре свега бригом за државу и нацију, политичка дела су усмерена против таквих идеја.

Са данашње српске позиције можемо само да се надамо да ће доћи до новог консензуса и формирања нове идеје и новог пута за српску нацију који ће донети успешнији 21 век од 20 и решити се остатака југословенских заблуда.

Литература:

- М. Екмечић, *Дуго кретање између клања и орања: Историја Срба у новом веку 1492-1992*, Београд 2007
- Д. Живојиновић, *Надмени савезник и занемарено српство: британско-српски односи (1875-1941)*, Београд 2011.
- В. Крестић, *Из историје Срба и српско-хрватски односи, чланци, расправе и есеји*. Београд 1994
- В.Крестић, *Великохрватске претензије на Војводину, Босну и Херцеговину*. Београд: САНУ.2017
- В.Петрановић, *Istorija Jugoslavije 1918-1988 I,II i III*, Београд. 1988.
- Б. Петрановић, *Југословенско искуство српске националне интеграције*, Београд, 1993 службени лист СРЈ
- Б.Петрановић, *Историјар и савремена епоха*, Београд, 1994.
- М.Ломпар, *Дух самопорицања*, Београд, 2012.
- Група аутора, *Историја једне утопије: 100 година од стварања Југославије*, Београд, 2017.

REFERENCES:

- М. Екмечић, *Dugo kretanje između klanja i oranja: Istorija Srba u novom veku 1492-1992*, Београд 2007

- D. Živojinović, *Nadmeni saveznik i zanemareno srpstvo: britansko-srpski odnosi (1875-1941)*, Београд 2011.
- V. Krestić, *Iz istorije Srba i srpsko-hrvatski odnosi, članci, rasprave i eseji*. Београд 1994
- V.Krestić, *Velikohrvatske pretenzije na Vojvodinu, Bosnu i Hercegovinu*. Београд: САНУ.2017
- B.Petranović, *Istorija Jugoslavije 1918-1988 I,II i III*, Београд. 1988.
- B. Petranović, *Jugoslovensko iskustvo srpske nacionalne integracije*, Београд, 1993 službeni list SRJ
- B.Petranović, *Istoričar i savremena epoha*, Београд, 1994.
- M.Lompar, *Duh samoporicanja*, Београд, 2012.
- Група аутора, *Istorija jedne utopije: 100 godina od stvaranja Jugoslavije*, Београд, 2017.

УЧАСТИЕ РУСИНСКОЙ ДИАСПОРЫ США В ОПРЕДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ (1918 Г.)(*)

PARTICIPATION OF THE RUSYN DIASPORA IN THE UNITED STATES IN DETERMINING THE STATE AFFILIATION OF SUBCARPATHIAN RUS (1918)(*)

РЕЗЮМЕ. В статье рассматриваются различные варианты государственной принадлежности Подкарпатской Руси, которые предлагали лидеры русинской диаспоры США в 1917–1918 гг. Анализируются факторы, которые определили выбор американскими русинами «чехословацкого» варианта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русины, диаспора, Чехословакия, дипломатия.

ABSTRACT. The article discusses various variants of state affiliation of Subcarpathian Rus, which were proposed by the leaders of the Rusyn diaspora of the USA in 1917–1918. The author analyzes the factors that determined the choice of American Rusyns in favor of the “Czechoslovak” project.

KEY WORDS. Rusyns, diaspora, Czechoslovakia, diplomacy.

Олег Геннадьевич Казак, Кандидат исторических наук, преподаватель Минского городского педагогического колледжа

Oleg Kazak, Candidate of Historical Sciences, teacher of the Minsk City Pedagogical College

Усиление национального гнета со стороны венгров, тяжелые социально-экономические условия (аграрная перенаселенность) привели к массовой эмиграции восточнославянского населения Подкарпатской Руси в Северную Америку. Данный процесс начался в 1860-х гг. и продолжался до Первой мировой войны. Русинская диаспора в США, насчитывавшая, по некоторым данным, более 250 тыс. человек, сыграла важную роль в определении судьбы своей исторической родины после окончания Первой мировой войны.

Огромное влияние на настроения американских русинов оказали революционные события в России в 1917 г. Показательно, что первая значимая политическая инициатива исходила от американских русинов, стоявших на позициях общерусского единства. В мае 1917 г. в Нью-Йорке был создан «Союз освобождения Прикарпатской Руси», по инициативе которого 13 июля в Нью-Йорке был созван конгресс американских русинов. Организатором данного мероприятия был оказавшийся к тому времени в США П. Гаталак (он работал чиновником в России, а после освобождения из лагеря военнопленных через Швейцарию эмигрировал в США). Участниками конгресса в основном были считавшие себя русскими выходцы из Галиции, Буковины и Подкарпатской Руси[1]. Конгрессом был принят меморандум, в котором позитивно

оценивались демократические изменения, произошедшие в России после Февральской революции, а также выражалось стремление населения карпатского региона воссоединится с Россией: «Весь карпаторусский народ всей душой протестует против того, чтобы Прикарпатская Русь, под каким бы то ни было видом, входила в состав немецкой, мадьярской или будущей польской державы. [...] Наоборот, Русский Конгресс от имени всего своего народа торжественно и единодушно заявляет, что весь Карпаторусский народ неуклонно желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и, при предоставлении ей широкого самоуправления, воссоединения [...] Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией. Карпаторусский народ хочет быть в тесном единении с остальным русским народом, хочет жить с ним одной общей жизнью»[2]. Меморандум был составлен на русском, английском, французском и итальянском

*Текст доклада на Международной научной конференции «Нациостроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

1. Пушкеш А.И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 42.
2. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М., 2011. С. 112.

языках и был передан в соответствующие посольства в США. Советник посольства Великобритании встретился с делегацией конгресса и информировал ее о мнении посланника, согласно которому беспорядки в России могли длиться несколько десятилетий, и предложил русинам переждать время в составе какой-нибудь другой страны, например Польши[3].

Многие участники конгресса, выступавшие за присоединение Подкарпатской Руси к России, изменили свои взгляды после прихода к власти в России большевиков и начала гражданской войны[4]. Одним из них был журналист Н. Пачута, лидер организации «Американская русская народная оборона». Он считал, что в новых условиях ориентация на Россию была обречена на провал, и установил контакты со «Словацкой лигой», которая вела переговоры с чешскими организациями о создании общего государства, в рамках которого Словакия имела бы широкое самоуправление [5]. В апреле 1918 г. Н. Пачута от передал государственному секретарю США Р. Лесингу меморандум «Американской русской народной обороны», в котором было зафиксировано стремление русинов Подкарпатской Руси, Галиции и Буковины стать гражданами будущего чехословацкого государства. 30 мая 1918 г. Н. Пачута встретился в Питтсбурге с Т. Масариком, который присутствовал на подписании декларации о создании общего государства чехов и словаков, и лично вручил ему копию меморандума[6].

Часть американских русинов, принявших украинскую национальную идентичность, склонялась к присоединению карпатских земель к Украинской Народной Республике, объявившей независимость в январе 1918 г., позже – к Украинской державе гетмана П. Скоропадского. Так, «Ассоциация украинцев США» объявила себя выразителем интересов «700 тыс. русинов и украинцев» и 29 июня 1918 г. направила в адрес президента США В. Вильсона меморандум, в котором просила американского лидера «помочь их народу (украинцам – О.К.) добиться национального единства и конституционной свободы и освободить его от несправедливого и необоснованного правления династии Габсбургов»[7].

23 июля 1918 г. в Хоумстеде была основана «Американская народная рада угро-русинов». Состав правления (директории) данной организации был следующим: девять членов «Соединения греко-католических русских братств», девять

священников, два члена «Собрания греко-католических церковных братств в США» и три учителя. Председателем Рады стал Н. Чопей[8]. Созданная организация, провозгласившая своей миссией отстаивание интересов американских русинов, столкнулась с резкой критикой со стороны различных общественных и политических объединений. Ю. Гардош, один из лидеров Рады, в 1919 г. отмечал: «Словаки называли нас мадьяронами (Рада и словацкие организации не могли прийти к согласию относительно восточнословацких территорий со смешанным словацко-венгерско-русинским населением – О.К.), «Американская русская народная оборона» – предателями (обе организации боролись за право выступать от имени большинства русинов США – О.К.), галицкие лемки и украинцы – сепаратистами (суть критики данных организаций заключалась в том, что большинство членов Рады отвергали украинский национальный проект – О.К.), а венгры – москалями-панславистами, т.е. каждый в соответствии со своей идеологией и политикой». Ответы правления Рады на критические выпады ее недоброжелателей публиковал «Американский русский вестник» – старейшее и крупнейшее издание русинов США[9].

«Американская народная рада угро-русинов» поручила разработать проект меморандума адвокату из Питтсбурга Г. Жатковичу. Он прибыл с родителями в США еще в раннем детстве, получил хорошее образование, отлично знал американскую правовую систему. До сентября 1918 г. Г. Жаткович не принимал активного участия в политической жизни русинской диаспоры в США. В своих заявлениях он говорил об угро-русинов как об отдельном народе, который ввиду своей самобытности имел право бороться за национальные и политические права[10]. 1 октября 1918 г. Г.

3. Пушкаш А.И. Указ соч. С. 42.

4. Шевченко К.В. Указ. соч. С. 114.

5. Seremet S. A mai Kárpátalja határainak kialakulása az I. világháború után (1918–1925): Doktori disszertáció. Gazdaság-, régió- és politikatörténeti műhely. Budapest, 2016. O. 34.

6. Fedinec C. A kárpátaljai magyarság történeti kronológiája: 1918–1944. Galánta; Dunaszerdahely, 2002. O. 43.

7. Magocsi P.R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.), 1978. P. 54.

8. Spravoizdanije Predsdatel'a Amerikanskoj Narodnoj Rady Uhro-Rusinov, pervyj narodnyj kongress. Poderžan pod nadzorom i rukovodstvom našej narodno-politieskoj organizáci. Homestead, 1919. S. 8.

9. Ibidem. S. 10.

10. Seremet S. Op. cit. O. 43.

Жаткович на заседании «Американской народной рады угро-русинов» представил свой проект меморандума, и после обсуждения проект был принят Радой. Документ содержал три альтернативные варианта дальнейшего развития Подкарпатской Руси:

1) русины Подкарпатской Руси должны были получить полную независимость. Если это было бы невозможно –

2) русины Подкарпатской Руси должны были объединиться с русинами Галиции и Буковины и создать общее государство. Если и это было бы невозможно –

3) русины должны были получить самую широкую автономию в составе Венгрии [11].

21 октября 1918 г. делегацию американских русинов о главе с Г. Жатковичем принял президент США В. Вильсон. Он ознакомился с меморандумом и сообщил, что первые два варианта государственного устройства региона в тех условиях не могли быть реализованы: если бы возникло слишком много «малых независимых государств» в Европе, «великие державы» не смогли бы обеспечить их безопасное сосуществование. Американский президент порекомендовал русинам рассмотреть вариант автономии, но не в составе Венгрии, а в составе другого, славянского государства [12].

«Американская народная рада угро-русинов», очевидно, ожидала такой ответ и активизировала контакты с Т. Масариком. 23 октября 1918 г. Рада была принята в состав «Среднеевропейского союза угнетенных народов», лидером которого был будущий президент Чехословакии. Как представитель одного из 12 поработанных народов, Г. Жаткович подписал Декларацию независимости на учредительном съезде Союза в Филадельфии. В своем выступлении перед подписанием данного документа лидер американских русинов подчеркнул, что угорские русины не являлись украинцами, несмотря на языковую близость между этими двумя народами. Украинцы и русины, по мнению Г. Жатковича, имели абсолютно разные условия исторического развития [13].

25 октября 1918 г., т.е. за три дня до провозглашения независимого чехословацкого государства, лидеры «Американской народной рады угро-русинов» обратились к Т. Масарику с предложением присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии

на правах автономии. Во время встречи делегации Рады с Т. Масариком 28 октября 1918 г. лидерами американских русинов был поднят вопрос о будущей административной границе между Подкарпатской Русью и Словакией (русинская делегация требовала территорию «от Попрада до Тисы»). Т. Масарик уклончиво отметил, что «границы будут установлены таким образом, что русины будут удовлетворены». Кроме того, первый президент Чехословакии обещал предоставить Подкарпатской Руси широкую автономию. Впрочем, в ходе переговоров никаких письменных соглашений заключено не было [14].

Переговоры между Т. Масариком и лидерами американских русинов продолжались следующие две недели. Параллельно в русинской прессе обсуждались два альтернативные варианта будущего Подкарпатской Руси – ее включение в состав Чехословакии или Украины [15]. Определенная часть русинской диаспоры США, поддерживаемая греко-католическим духовенством, выступала за сохранение своей исторической родины в составе Венгрии. 10 ноября 1918 г. представители клира греко-католической церкви Святого Ильи в Хоумстеде обратились с открытым письмом в редакцию «Американского русского вестника». Авторы письма напоминали, что в меморандуме «Американской народной рады угро-русинов» присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии не было указано в качестве одного из вариантов будущей судьбы региона. Следовательно, лидеры Рады не имели никаких правовых и моральных полномочий от имени русинского народа выступать за включение края в состав чехословацкого государства. По мнению авторов открытого письма, выбор в пользу «чехословацкой» альтернативы грозил для русинов скорой потерей их самобытной культуры: «Из-за родства языков словаки очень быстро словакизируют рутенов; после утраты языка народом будут утрачены вера и обряды. В Америке, где рутены комитатов Унг и Берег словакизируются, мы можем наблюдать много таких печальных примеров». Авторы послания явно идеализировали многовековой период

11. Панов А. Масарик і Закарпаття. Ужгород, 2010. С. 100.

12. Spravoizdanije Predsdatel'a... S. 18–19.

13. Панов А. Указ. соч. С. 100–101.

14. Шевченко К.В. Указ. соч. С. 117.

15. Seremet S. Op. cit. O. 48.

вхождения Подкарпатской Руси в состав Венгрии: «Еще много представителей рутенского народа, которые из поколения в поколение сохраняли и сохраняют национальные устои, традиции, язык и веру, т.к. Венгрия не ставила перед собой цель искоренить рутенский язык. Эти люди требуют, чтобы следующее поколение могло жить дальше в дружбе с венграми, имея при этом самую широкую автономию»[16]. Авторы послания, однако, умолчали о многочисленных проявлениях мадьяризации политики венгерских властей в отношении русинов, особенно в годы Первой мировой войны. Впрочем, провенгерской ориентации летом – осенью 1918 г. придерживалась лишь небольшая часть русинской диаспоры США. Сотрудник венгерского консульства в Питтсбурге в своем отчете, подготовленном для венгерской дипломатической миссии в Вашингтоне (1924 г.), так характеризовал корни данного явления: «В 1917–1918 гг. пропаганда среди проживающих здесь рутенов была столь массивной, что они стали все больше выступать против Венгрии. Это движение достигло огромных размеров, включало в себя все больше людей, священники (мадьяронские представители греко-католического клира – О.К.) не могли исправить ситуацию, т.к. их никто не слушал. [...] Я не раз слышал от рутенских священников, что в 1918–1922 гг. выступать с провенгерскими речами было почти невозможно, крайне опасно»[17].

12 ноября 1918 г. в Скрэнтоне состоялось заседание «Американской народной рады угро-русинов». С самого начала стало понятно, что среди лидеров американских русинов не было единого мнения не только в вопросе государственной принадлежности Подкарпатской Руси, но и в вопросе национальной природы русинов. Н. Чопей предложил руководствоваться вторым по приоритетности положением меморандума Рады от 1 октября 1918 г., т.е. объединить в одно государство русинов Подкарпатской Руси и «карпаторосов» Галиции и Буковины. В ответ на это Ю. Гардош, ставший к тому времени председателем Рады, заявил, что «русины не могут объединиться с народом, которого нет». На взгляд политика, «карпаторосы» являлись не отдельным народом, а частью украинцев. Следовательно, для Подкарпатской Руси оставалось два варианта будущего развития: включение в состав Чехословакии или Украины. «Украинская» альтернатива не нашла поддержки участников заседания Рады, а также большинства русинской диаспоры в США. Участник заседания Б. Горзо видел причину

этого явления в насильственной украинизаторской политике и самоуправстве первого епископа для всех верующих греко-католического обряда в США Сотера (Ортинского) (1907–1916 гг.)[18]. В конечном счете Рада одобрила план вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии и предложение Г. Жатковича о проведении референдума по данному вопросу среди живущих в Америке русинов [19]. Выбор в пользу Чехословакии члены Рады аргументировали следующим образом: «Мы сознаем, что таким образом мы составим часть хорошо организованного государства, с которым легко сможем сговориться взаимопонятным языком, и которое нам обеспечит автономию. Мы, однако, твердо убеждены в том, что из нынешнего хаоса выйдет опять федеральная Россия. Но в этой новой будущей России украинцы не будут иметь такой национальной автономии, какую мы получим»[20].

Плебисцит был проведен в ноябре – декабре 1918 г. Следует отметить, что в нем не принимали участия русины православной конфессии. В греко-католические русинские приходы США, коих насчитывалось 1038, были разосланы анкеты с вопросом: куда присоединить Подкарпатскую Русь – к Чехословакии или Украине? Можно было предлагать и другие варианты. Голосование было не прямым, а через выборщиков: мнение 50 человек считалось за один голос. На разосланные анкеты откликнулись 39 % приходов[21]. Около 67 % участников референдума высказались за присоединение к Чехословакии, 28 % – за присоединение к Украине, и только по 1 % – за присоединение к Венгрии и большевистской России[22]. Решение «Американской народной рады угро-русинов» в Скрэнтоне и результаты референдума впоследствии активно использовались чехословацкой дипломатией для обоснования своих претензий на Подкарпатскую Русь. Система мирных договоров, заключенных после оконча-

16. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (далее – MNL OL). F. K 64. 1924. 10 t. 307 cs.

17. MNL OL. F. K 64. 1925. 10 t. 35 cs.

18. Seremet S. Op. cit. O. 48–49.

19. Шевченко К.В. Указ. соч. С. 118.

20. Серапионова Е.П. Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР // Историк-славист: призвание и профессия. К юбилею В.В. Марьиной. М., 2013. С. 32.

21. Пушкаш А.И. Указ. соч. С. 48–49.

22. Шевченко К.В. Указ. соч. С. 119.

ния Первой мировой войны, закрепила вхождение края в состав Чехословакии.

Таким образом, русинская диаспора в США в 1917–1918 гг. выдвинула несколько альтернативных вариантов будущей государственной принадлежности своей исторической родины. Выбор «чехословацкого» варианта был продиктован как позицией руководства США, так и щедрыми обещаниями предоставления самой широкой автономии Подкарпатской Руси, звучавшими из уст Т. Масарика и его окружения. Как у лидеров русинской диаспоры в США, так и у политиков в Подкарпатской Руси появились завышенные ожидания в отношении статуса русинских территорий в составе Чехословакии. Реальная политика Праги в крае (решение вопроса об автономии постоянно откладывалось ввиду «политической, хозяйственной и культурной незрелости» русинов; все значимые места в управлении краем занимали чехи; при относительной свободе национально-культурной жизни представители русофильской интеллигенции, традиционно влиятельной в регионе в предыдущие исторические периоды, получали меньшую, нежели украинофилы, поддержку со стороны государства) очень скоро разочаровала значительную часть американских русинов. Многие лидеры русинской диаспоры в США, поддерживавшие в 1918 г. включение Подкарпатской Руси в состав Чехословакии, в ближайшие годы сблизились с представителями венгерского дипломатического корпуса и участвовали в финансируемых Будапештом античехословацких информационных кампаниях.

Литература

- Панов А. Масарик і Закарпаття. Ужгород: Ліра, 2010. 192 с.
- Пушкеш А.И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М.: Европа, 2006. 564 с.
- Серапионова Е.П. Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР // Историк-славист: призвание и профессия. К юбилею В.В. Мар'иной. М., 2013. С. 31–49.
- Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2011. 414 с.

- Fedinec C. A kárpátaljai magyarság történeti kronológiája: 1918–1944. Galánta; Dunaszerdahely: Fórum Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2002. 536 o.
- Magocsi P.R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.): Harvard Ukrainian series, 1978. 640 p.
- Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (далее – MNL OL). F. K 64. 1924. 10 t. 307 cs.
- MNL OL. F. K 64. 1925. 10 t. 35 cs.
- Seremet S. A mai Kárpátalja határainak kialakulása az I. világháború után (1918–1925): Doktori disszertáció. Gazdaság-, régió- és politikatörténeti műhely. Budapest, 2016. 242 o.
- Spravoizdaniye Predsidatel'a Amerikanskoj Narodnoj Rady Uhro-Rusinov, pervyj narodnyj kongress. Poderžan pod nadzorom i rukovodstvom našej narodno-politieskoj organizáci. Homestead: Tipografije Amerikanskoho Russkoho Viestnika, 1919. 29 s.

REFERENCES:

- Panov A. Masarik í Zakarpattya. Uzhgorod: Líra, 2010. 192 s.
- Pushkash A.I. Tszivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'ye v 1918–1945 gg. M.: Yevropa, 2006. 564 s.
- Serapionova Ye.P. Chekhoslovatskaya pechat' o vkhozhdanii Podkarpatskoj Rusi v sostav CHSR // Istorik-slavist: prizvaniye i professiya. K yubileyu V.V. Mar'inoy. M., 2013. S. 31–49.
- Shevchenko K.V. Slavyanskaya Atlantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine KHKH v. M.: Regnum, 2011. 414 s.
- Fedinec C. A kárpátaljai magyarság történeti kronológiája: 1918–1944. Galánta; Dunaszerdahely: Fórum Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2002. 536 o.
- Magocsi P.R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.): Harvard Ukrainian series, 1978. 640 p.

- Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (daleye – MNL OL). F. K 64. 1924. 10 t. 307 cs.
- MNL OL. F. K 64. 1925. 10 t. 35 cs.
- Seremet S. A mai Kárpátalja határainak kialakulása az I. világháború után (1918–1925): Doktori disszertáció. Gazdaság-, régió- és politikatörténeti műhely. Budapest, 2016. 242 o.
- Spravoizdanije Predsidatel'a Amerikanskoj Narodnoj Rady Uhro-Rusinov, pervyj narodnyj kongress. Poderžan pod nadzorom i rukovodstvom našej narodno-politieskoj organizáci. Homestead: Tipografije Amerikanskoho Russkoho Viestnika, 1919. 29 s.

ПРИБАЛТИЙСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В 1918 Г.: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ(*).

BALTIC SELF-DETERMINATION IN 1918: TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE REPUBLIC OF ESTONIA(*)

Загорнов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина.
Zagornov Alexander, Candidate of Historical Sciences, Docent of Department of Theory and History of State and Law, Brest State University named A.S.Pushkin.

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена процессу формирования эстонской государственности в 1918 г., в контексте общего прибалтийского самоопределения. Рассмотрены факторы, повлиявшие на государственную институализацию Эстонии. Сделан вывод о сложности соотнесения моделей государственного развития в условиях завершения Первой мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Мировая война, самоопределение, Прибалтика, государственность, Эстонская республика.

ABSTRACT. The article is devoted to the process of formation of the Estonian statehood in 1918, in the context of the common Baltic self-determination. The factors affecting the state institutionalization of Estonia are considered. It is concluded that it is difficult to correlate the models of state development in the conditions of the end of the First World War.

KEY WORDS. World war, self-determination, Baltic region, statehood, Republic of Estonia.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Первая мировая война оказала глубокое влияние на национальное развитие Европы. Процессы строительства наций и определения политических ориентиров, вызванные ею, как представляется, до сих пор несут ее отпечаток.

Российский историк А.И. Уткин, говоря о значении Первой мировой войны, отметил, что эта война «определила мировую эволюцию последующего времени. За четыре года произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. Первая мировая война придала современную форму национальному вопросу».[1]

В год столетия окончания этой Войны представляет интерес обращение к истокам формирования самостоятельной государственности прибалтийских стран с определением сложностей и противоречивых тенденций, которые воздействуют и на современную повестку. Последнее, в известной мере, имеет преемственный характер. То, что событиям исполнилось как раз сто лет (по образному выражению В.О. Ключевского тогда событие становится историческим) и предопределило внимание

автора к сюжетам, связанным со становлением государственности в одной из прибалтийских стран – Эстонии, что было уже ранее предметом рассмотрения достаточно широкого круга исследователей.

В качестве общих предварительных замечаний отметим, что британский историк Норман Стоун в своей работе о первой мировой войне ясно дал понять, что главным итогом войны был новый расклад сил в Европе, предопределенный подписанием Брестского мира. Он пишет: «Условия мирного договора были составлены очень ловко. Германия не требовала для себя больших территорий. Россия лишь обязывалась «очистить» западные земли и Кавказ, чтобы их народы могли обрести независимость. В результате ее географические очертания стали поразительно похожи на границы, существующие сегодня: призрачную самостоятельность получили

*Текст доклада на Международной научной конференции «Нациостроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

1. Уткин, А.И. Первая мировая война. / А.И. Уткин. – М., 2001. – С. 3.

государства Балтии (включая Финляндию) и Кавказа».[2]

Далее Н. Стоун вводит интересный термин «Брест-Литовские государства», подчеркивая процесс национального самоопределения, идущий в противоречивых условиях завершения Первой мировой войны. Он замечает: «Брест-Литовские государства появились вновь после распада Советского Союза. В 1918 году они были сателлитами Германии... Тогда Германия стремилась стать мировой империей; теперь, находясь в альянсе Запада, она не ставит такую цель... Сегодня все хотят говорить по-английски, а не по-немецки, как в 1918 году. Современная Европа – это Европа времен Брест-Литовска...».[3]

В этом контексте следует отметить, самоопределение Эстонии в 1918 г. проходило в сложных условиях, вызванных действием широкой палитры сил в ходе завершения Первой мировой войны и дополненном противоречиями, так и не решенными еще в XIX в.

XIX ВЕК КАК ПРОЛОГ

В XIX в. обособленность Прибалтики, закрепленная Ништадским мирным договором 1721 г., от основной территории Российской империи сохранялось.

Немецкое рыцарство вместе с лютеранскими пасторами во второй половине XIX в. стали активно привлекать на свою сторону местное эстонское население.

Отметим, что государственная власть Российской империи не проявляла активности в своем утверждении в этом крае посредством завоевания симпатий местного населения, соединения его интересов с интересами всего государства, утверждения фактического равенства лютеранской и православной церквей на этой территории.

Поэтому позиции верховной политической власти в долгосрочной перспективе в Прибалтике и, в частности, в Эстонии, не укреплялись, а ослабевали. А ведь это происходило после семи веков немецкого преобладания в Прибалтийском крае.

В развороте коренного эстонского населения против России определенную роль сыграла лютеранская Церковь и школьное образование, которое в основном ею контролировалось. Это позволяло выстраивать линию на то, что образцы жизни и

благополучие находятся на западе, а на востоке от их земель находится низкая образованность, бескультурье и нищета.

Верховная власть империи мало преуспела в создании реальной альтернативы действиям немецких баранов и лютеранской церкви в школе, где несколько поколений эстонцев было воспитано «в духе неприятия и дискредитации всего русского».[4] Следует отметить, что в государственных и образовательных учреждениях Эстонии во второй половине XIX в. преобладал немецкий язык. Известно, что преподавание в Дерптском университете осуществлялось, в основном, на этом языке. Только в 1892 г. факультеты (кроме теологического) университета перешли на русский язык обучения.[5] Таким образом, формирование эстонской интеллигенции происходило в среде, где преобладали немецкие культурные и идеологические установки. И даже, когда прямая связь с германским образцом стала непопулярной, суть этих установок, обретающих уже политическую форму, не изменилась.

Можно констатировать, что массовой опоры для себя власти империи за XVIII и весь XIX века так и не создали, что, конечно, проявилось в начале века XX, когда проходило активное национальное самоопределение.

Реформы второй половины XIX в. придали импульс формированию национальной интеллигенции в Прибалтийском крае. Однако власти Российской империи не смогли сразу направить этот процесс в нужное русло и утвердить через преобладающую в государстве Церковь, государственный язык и народное образование русских начал в Прибалтике.[6]

В борьбе за национальную самоидентификацию создающейся эстонской интеллигенции утверждение немецких установок, проводимых лютеранской Церковью и ее школами, оказалось более эффективным, настойчивым и глубоким, чем русское

2. Стоун, Н. Первая мировая война. Краткая история. / Н. Стоун. – М., 2010. – С. 3–4.

3. Там же.

4. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 320.

5. Там же. С. 330–331.

6. Там же. С. 307.

воздействие. И это при том, что у эстонцев присутствовала ненависть к своим тевтонским поработителям.

Поэтому формирующееся эстонское национальное движение постепенно двигалось ко все более четко артикулируемому антиимперскому и антирусскому пути.

Это национальное движение, конечно, не было единым и монолитным. По выражению губернатора Эстляндии князя С.В. Шаховского, оставившего заметный след на эстонской земле за период своего девятилетнего правления, оно имело два направления: русофильское и немецко-балтийское.[7]

К 90-м годам XIX в. к этим направлениям добавится еще одно – патриотическое или сепаратистское.[8] Вот оно то и станет доминировать в начале XX в.

Сам губернатор С.В. Шаховский придерживался славянофильских взглядов и стремился неформально, а реально включить вверенную ему губернию в пространство империи, создавая общее культурное и правовое пространство с опорой на ту часть эстонской интеллигенции, которая с симпатией смотрела в сторону Петербурга, стремясь освободиться от немецкого влияния.

Тем не менее уже в начале XX в. эстляндский губернатор Н.Г. Бютинг отмечал, что правительственная политика в Эстляндии характеризуется неустойчивостью и непоследовательностью.[9]

В период империи в Прибалтике был сохранен прежний остзейский порядок, включающий немецкий порядок управления, господство немецкого языка, протестантское вероисповедание и монопольное право земельной собственности немецких баронов.

Такое положение дел сохранялось почти весь XIX в. и способствовало обособлению Прибалтийского края от Российской империи.

Местное население оказалось под двойным управленческим давлением: власти императора и власти местной знати, интересы которых не совпадали.

Несмотря на целый ряд формальных распоряжений верховная власть империи не смогла обеспечить достойные условия существования государственной религии и местного населения, принимавшего ее. Это ослабляло и влияние центральной власти

в регионе.

Еще в имперский период проявился своеобразный управленческий дуализм с национальным смыслом: остзейцы достаточно свободно входили в состав центральной управленческой, военной, хозяйственной элиты, а вот русский элемент, помимо должностей от правительства, не имел таких перспектив в прибалтийских условиях ни в местном управлении, ни в предпринимательской и культурной среде.

Поэтому для местного населения была очевидна глубокая разница между положением немецкой знати и немногочисленной русской диаспорой, которая в основном была малограмотной и совсем бедной. Это, конечно, отражалось на материальном обеспечении немецких церковных и образовательных институтов, получающих поддержку как из местных источников, так и из имперского центра. Соответствующие русские институты по своему финансированию не выдерживали сравнения из-за бедности православной паствы и совсем скромных поступлений из государственного бюджета, которых постоянно не хватало.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. И ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В период Первой мировой войны Эстония входила в тыловой район Северного фронта. На эстонской территории размещались тыловые части армии и базировалась часть Балтийского флота.

Следует отметить, что эстонцы в Российской империи не имели даже национальных органов местного самоуправления, не говоря уже об автономии. Местные органы самоуправления целиком находились в руках немецких дворян.

Только в 1915 г. стала готовиться реформа, допускающая эстонскую буржуазию на паритетных началах с немецкими баронами в органы самоуправления. Однако правительство Российской империи не утвердило законопроект в условиях продол-

7. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 314, 317.

8. Там же. С. 311.

9. Там же. С. 368.

жающейся войны.

После Февральской революции 1917 г. уже Временное правительство попыталось организовать участие местной национальной буржуазии в управлении данной территории.

30 марта 1917 г. Временное правительство издало «Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». В соответствии с данным постановлением Эстония объединялась в одну национальную территорию с присоединением к Эстляндской губернии нескольких уездов Лифляндской губернии, населенных эстонцами. Утверждалась должность губернского комиссара Временного правительства, его канцелярия размещалась в Юрьеве (Тарту). При комиссаре в качестве всеэстонского органа самоуправления создавался Губернский земский совет, а в уездах, соответственно, – уездные земские советы. Губернский земский совет самостоятельных функций не имел, а являлся совещательным органом при губернском комиссаре.[10] После свершения Октябрьской революции эстонцы, как и другие народы бывшей Российской империи получили право на самоопределение, что позволяло начать процесс создания собственной государственности.

Два важных правовых акта новой советской власти легитимировали данный процесс. Это, прежде всего, Декларация прав народов России, утвержденная Советом народных комиссаров 2 ноября 1917 г., а также Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая 10 января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов.

По этим декларациям провозглашалось полное равноправие народов, входивших ранее в состав единого большого государства. Им предоставлялась свобода в решении вопроса о самоопределении: можно было отделиться с образованием самостоятельного государства либо остаться в новом объединении.

Советская власть, утверждавшаяся на эстонской территории после октября 1917 г., провозгласила создание Эстляндской Трудовой Коммуны. Это позволяет утверждать, что эстонская государственность начала формироваться в рамках советской модели и предусматривала объединение с Советской Россией. В проекте Конститу-

ции Эстляндской Трудовой (Рабочей) Коммуны, опубликованном 19 января 1918 г. было зафиксировано, что Эстляндская Коммуна является автономной частью Российской Советской Республики. Предполагалось, что внешние отношения Коммуны будут решаться по согласованию с Российской Советской Республикой, во внутренних вопросах она самостоятельна, а также у нее есть право свободно принимать решение о присоединении к какому-либо государству или о провозглашении полной независимости.[11]

12–14 ноября 1917 г. проходили выборы в Учредительное собрание, где список большевиков набрал больше всех голосов. На следующий день депутаты от буржуазных партий Губернского земского совета, органа уже распущенного Исполнительным комитетом Советов Эстонии, собрались на заседание и заявили, что не признают советской власти и провозглашают Губернский земский совет единственным носителем верховной власти в Эстонии. Исполнительный комитет Советов Эстонии 19 ноября 1917 г. принял постановление о ликвидации всех органов Губернского земского совета, уездных земских советов, уездных управ и городских дум.[12]

Но немецкая оккупация изменила ситуацию с властью в Эстонии. Брестский мир и последовавшее за ним занятие эстонской территории германскими войсками привели к упразднению советской власти и установлению нового государственного порядка.

В период, когда в г. Брест-Литовске начались мирные переговоры между воюющими сторонами, Эстония еще не была оккупирована немецкой армией, поэтому на правах автономии она могла остаться в составе Советской России. Однако после известного заявления председателя советской делегации Л.Д. Троцкого о том, что советское правительство мира не подпишет, но войну прекратит и армию демобилизует, германские войска, нарушив условия перемирия, 18 февраля 1918 г., начали ши-

10. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 436.

11. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 437.

12. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 438–439.

рокое наступление по всей линии фронта от Балтийского до Черного моря.

Эстонская этнополитическая элита восприняла приближение немцев и их вступление вначале на острова, а потом и на материковую часть благосклонно, надеясь с немецкой помощью добиться независимости по буржуазной государственной модели.

Парадоксальным образом независимость Эстонии стала связываться с немецкой оккупацией. Например, лидеры Союза земледельцев Константин Пяте и Йохан Лайдомер отправили в Стокгольм в германское посольство делегацию во главе с Яном Тыниссоном, которая вручила послу докладную записку в адрес правительства Германии с просьбой о срочной помощи в борьбе против Красной гвардии.[13]

Это соответствовало немецким планам по ослаблению России как своего главного противника в Первой мировой войне.

Под видом помощи формирующемуся эстонскому государству немецкая оккупация этой территории превращалась в освобождение от большевиков.

Захват, представляемый как помощь в получении свободы, опробированный в ходе Первой мировой войны, станет приемом, которым западные государства на протяжении XX века будут пользоваться еще не раз.

Параллельно уже с января 1918 г. группа эстонских представителей (Я. Поска, Ю. Сельямаа и Ю. Вильяс) начинают посещать посольства Великобритании, Франции и США в Петрограде, где уже с государствами Антанты обсуждается вопрос о поддержке ими на будущей мирной конференции требования о независимости Эстонии. [14]

Современный эстонский исследователь А.Казекамп отмечает существование в период самоопределения сложного клубка конфликтов, «в которых союзники все время менялись».[15]

Великобритания, заинтересованная в отделении Прибалтики от бывшего единого пространства Российской империи и создании антисоветского плацдарма, выразила одобрение стремлению Эстонии к независимости и аккуратно, через своих дипломатов, обещала признать самостоятельность эстонского государства на мирной

конференции по окончании Первой мировой войны.[16]

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ МОДЕЛИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Уже 20 февраля 1918 г. немецкие войска вступили на материковую часть Эстонии. Им активно помогало антисоветское подполье, организовавшее выступления в Таллинне, Тарту, Пайде.

Через 4 дня после начала движения немецких войск 24 февраля Комитет спасения Эстонии (во главе стоял К. Пятс), институционально связанный с Губернским земским советом, провозгласил независимость Эстонии.[17] В изданном Манифесте провозглашался полный политический нейтралитет по отношению к «наступающим с запада победоносным немецким войскам».[18]

Сразу было образовано временное правительство Эстонии во главе с К. Пятсом. 25 февраля в торжественной обстановке немецкие войска встречали в Таллинне. Одна из местных газет написала, что эти войска «пришли к нам как защитники и избавители».[19]

3 марта 1918 г. советской делегацией был подписан Брестский мирный договор. Он максимально отражал немецкие условия и фиксировал фактическую оккупацию германскими войсками огромных территорий, в том числе Прибалтики. Сразу после заключения договора Эстония была полностью оккупирована. «Остзейский порядок»

13. Там же. С. 442.

14. Там же. С. 443.

15. Казекамп, А. История Балтийских государств. / А. Казекамп. – Издательство Тартуского университета, 2014. – С. 169.

16. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 443.

17. Казекамп, А. История Балтийских государств. / А. Казекамп. – Издательство Тартуского университета, 2014. – С. 157.

18. Цит. по [18] Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 445.

19. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 445.

был восстановлен в прежнем объеме. Собственность возвращалась прежним, дооктябрьским владельцам. Контроль немецких войск обеспечил быстрое возвращение прежних порядков и устранение сторонников советской власти.

Используя фактор оккупации территорий, где сохранялись традиции немецкого присутствия в течении длительного времени, немецкие власти стали готовить присоединение Прибалтики к Германии.

12 апреля 1918 г. состоялось заседание объединенного ландесрата Эстляндии и Лифляндии, где представители буржуазии и прибалтийского дворянства приняли решение о создании Балтийского герцогства, связанного персональной унией с Пруссией.[20]

Такое объединенное собрание, названное «Советом прибалтийских земель», по существу, проголосовало за отделение Прибалтики от России и создание общего конституционно-монархического государства, связанного с Германией.[21]

Данное предложение отражало стремление части прибалтийской элиты уловить политические тенденции на исходе Первой мировой войны, когда победа немецких войск казалась уже совсем близкой. Широкие слои населения Эстонии и Латвии встретили данное решение ландесрата с возмущением, так как это, по существу, означало окончательное закрепление немецкого господства и возвращение к началу XIX в. Среди буржуазии тоже не было единства по вопросу создания Балтийского герцогства. Так, К. Пятс выступил с критикой этого государственного образования.[22]

Ноябрьская революция в Германии не дала осуществиться этим планам и новое Балтийское государство так и осталось проектом, демонстрирующим, правда, легкость смены внешних ориентиров для сформировавшейся прибалтийской элиты.

В мае 1918 г. правительства Великобритании и Франции признали временный земский совет Эстляндской губернии временным правительством.

Так тема будущего устройства Эстляндии перестала быть внутренним делом России, а с помощью государств Антанты переводилась на международное рассмотрение на будущей мирной конференции.[23]

Однако осенью 1918 г., когда стало ясно, что Германия проиграла в войне, эстонская политическая элита усилила курс уже на сотрудничество с Антантой и, прежде всего, Великобританией.

После ноябрьской революции в Германии было ускорено создание эстонского национального правительства.

При поддержке немецкого командования возобновлялась деятельность Губернского земского совета, который должен был заменить оккупационную администрацию, Благодаря определенной политической консолидации и с согласия немецких властей 11 ноября 1918 г. было сформировано эстонское буржуазное временное правительство во главе с лидером аграрной партии К. Пятсом. Несколько позже в Риге между временным правительством и представителем Германии А. Виннигом был оформлен договор о передаче власти.[24]

Опасаясь восстановления советской власти в Эстонии временное правительство обратилось к государствам Антанты с просьбой, чтобы немецкие войска без разрешения союзников не покидали Эстонию и чтобы они снабдили формирующиеся эстонские воинские части оружием. Немецкое командование оставило часть вооружения новой национальной власти, помогли со снаряжением и государства Антанты, а в Финляндии и Швеции началась вербовка добровольцев для отправки в Эстонию.[25]

В конце ноября части Красной армии с участием красных эстонских частей стали продвигаться к Эстонии с целью восстановления советской власти. Уже 29 ноября 1918 г. в занятой красными войсками Нарве ЦК эстонских секций РКП(б) и Временного революционного комитета Эстонии была опять провозглашена Эстляндская трудо-

20. Там же. С. 448.

21. Воробьева, Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. / Л.М. Воробьева. – М., 2011. – С. 117.

22. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 449.

23. Казекамп, А. История Балтийских государств. / А. Казекамп. – Издательство Тартуского университета, 2014. – С.159.

24. Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – С. 454.

25. Там же. С. 457.

вая коммуна как советская республика.[26]

12 декабря 1918 г. на Таллинский рейд прибыла эскадра английского флота под командованием адмирала Сикклера. Она должна была поддержать эстонское временное правительство и действовала против войск Красной Армии и советского Балтийского флота.[27]

Присланная английская военная эскадра вместе с военной и продовольственной помощью стран Антанты создали благоприятные условия для формирования эстонской национальной армии, укрепленной еще и финскими, шведскими добровольцами и частями северо-западной армии генерала Н.Н. Юденича.

Англичане заменили немцев в Прибалтике в декабре 1918 г. прежде всего с целью формирования контролируемого ими «санитарного кордона» против уже Советской России в балтийском регионе.

Поэтому они поддержали самостоятельное буржуазное эстонское правительство, созданное еще при поддержке немецкого военного командования.

Конечной целью Великобритании, как верно отмечает Н.А.Нарочницкая, было использование ситуации с национальным самоопределением в западной части бывшей Российской империи «для отделения от нее стратегических территорий».[28]

Уже в январе 1919 г. эстонская армия смогла перейти в контрнаступление и вытеснить войска Красной Армии, а с ней и советскую власть Эстляндской трудовой коммуны с территории Эстонии. В начале апреля 1919 г. были проведены выборы в Учредительное собрание, где победили партии, выступающие за самостоятельно капиталистическое развитие Эстонии.

19 мая 1919 г. Учредительное собрание провозгласило независимость Эстонии и установление демократической республики. Таким образом, победила модель буржуазной государственности, которая, в свою очередь, была возобновлена в 1991 г.

В заключение следует отметить, что становление Эстонской республики было сложным процессом. Он не был прямолинейным, как это часто представляется в эстонской научной и учебной литературе. В нем действовало много различных факторов: национальная консолидация, ошибки и недочеты центральной власти империи,

усиленные и перенесенные в начало XX в., установление советской власти, стремление части дворянства интегрироваться с Германией, позиции таких стран как Великобритания, Франция, Германия и США, белое движение и, конечно, Советская Россия. Названия таких государственных образований как Эстляндская Трудовая Коммуна, Балтийское герцогство и Эстонская республика отражают вариативность государственного развития. Все это вместе создает многоцветную картину эстонского самоопределения.

Литература

- Воробьева, Л.М. История Латвии от Российской империи к СССР. / Л.М. Воробьева. – М., 2011. – 384 с.
- Воробьева, Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920. / Л.М. Воробьева. – М.: Издательство «ФИН», 2013. – 536 с.
- Казекамп, А. История Балтийских государств. / А. Казекамп. – Издательство Тартуского университета, 2014. – 398 с.
- Кяупа, З., Мяэсалу, А., Паюр, А., Страубе, Г. История Балтийских стран. / З. Кяупа,, А. Мяэсалу, А. Паюр, Г. Страубе. – Авита, 1999. – 222 с.
- Нарочницкая, Н. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. / Н. Нарочницкая. – <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=476194>
- Стоун, Н. Первая мировая война. Краткая история. / Н. Стоун. – М., 2010. – 273 с.
- Уткин, А.И. Первая мировая война. / А.И. Уткин. – М., 2001. – 321 с.

26. Там же. С. 458.

27. Там же. С. 459.

28. Нарочницкая, Н. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. / Н. Нарочницкая. – <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=476194>. – С. 16.9

REFERENCES:

- Vorob'yeva, L.M. Istoriya Latvii ot Rossiyskoy imperii k SSSR. / L.M. Vorob'yeva. – M., 2011. – 384 s.
- Vorob'yeva, L.M. Pribaltika na razlomakh mezhdunarodnogo sopernichestva. Ot nash-estviya krestonostsev do Tartuskogo mira 1920. / L.M. Vorob'yeva. – M.: Izdatel'stvo «FIV», 2013. – 536 c.
- Kazekamp, A. Istoriya Baltiyskikh gosudarstv. / A. Kazekamp. – Izdatel'stvo Tartuskogo universiteteta, 2014. – 398 s.
- Kyaupa, Z., Myaesalu, A., Payur, A., Straube, G. Istoriya Baltiyskikh stran. / Z. Kyaupa,, A. Myaesalu, A. Payur, G. Straube. – Avita, 1999. – 222 c.
- Narochnitskaya, N. Russkaya revolyutsiya i mir v XX stoletii: cherez prizmu «russkogo voprosa» na Parizhskoy mirnoy konferentsii. / N. Narochnitskaya. – <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=476194>
- Stoun, N. Pervaya mirovaya voyna. Kratkaya istoriya. / N. Stoun. – M., 2010. – 273 s.
- Utkin, A.I. Pervaya mirovaya voyna. / A.I. Utkin. – M., 2001. – 321 s.

Кирилл Владимирович Шевченко,
доктор исторических наук, профессор Минского
филиала РГСУ (Минск, Белоруссия)

Kirill Shevchenko, Ph.D., Professor, RGSU
Branch in Minsk (Minsk, Belarus)

ЗАРОЖДЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В 1918 ГОДУ: ПАРАДОКСЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА(*).

EMERGENCE OF CZECHOSLOVAK STATEHOOD IN 1918: PARADOXES OF THE NATION-BUILDING PROJECT(*)

РЕЗЮМЕ. Зарождение чехословацкой государственности и её формат были прямым следствием результатов Первой мировой войны. Если в начале войны все чешские политики ориентировались на Россию, считая целесообразным установление в будущей Чехословакии монархической формы правления во главе с представителем династии Романовых, то после революционных потрясений и Гражданской войны роль России в реализации «чехословацкого проекта» резко упала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Россия, Чехословакия, Первая мировая война, межвоенный период, нациестроительство

ABSTRACT. Emergence of Czechoslovak statehood and its format were to a major extent direct result of the First World War. While at the beginning of the “Great War” all Czech leading politicians thought that Russia is going to play a decisive role in the creation of Czech state and that Czechoslovakia should be a monarchy with the representative of Romanov’s dynasty on the throne, after revolutions and Civil War in Russia its role in realization of the “Czechoslovak project” was insignificant.

KEY WORDS. Russia, Czechoslovakia, First World War, interwar period, Nation-Building process.

Возрождение государственности чехов, словаков и ряда других народов Центральной и Восточной Европы было прямым следствием «Великой войны» и вызванных ею геополитических потрясений, составивших содержание затянувшегося переходного периода между «длинным» девятнадцатым и «коротким» двадцатым веком, который оказался на редкость трагическим и кровавым. «Железным» и «воистину жестоким» справедливо назвал в 1911 году ушедший девятнадцатый век великий русский поэт Александр Блок, пророчески предсказав в наступившем двадцатом веке - всего за несколько лет до начала Первой мировой войны - «рѣв стали», «огонь и пороховой дым» и, в итоге, - «неслыханные перемены и невиданные мятежи».[1] Предсказания и ощущения Блока были созвучны мыслям многих его современников. В своём знаменитом «Закате Европы», символично написанном в 1918 году, уже зрелый в то время мыслитель, тридцативосьмилетний Освальд Шпенглер связывал начало агонии и падения европейской цивилизации с Первой мировой войной.

Мрачные предсказания «сумрачного германского гения» в известной степени сбылись. Характерные для «Великой войны» и беспрецедентные по тому времени

новые технологии массового уничтожения противника, а также системные, массовые и крайне жестокие репрессии против мирного гражданского населения, в частности, против сербов и карпатских русинов, дали веское основание историкам назвать эти события «концом цивилизованной Европы».[2]

Переход от девятнадцатого к двадцатому веку был ознаменован Первой мировой войной, распадом четырех империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской - и появлением на политической карте Европы целого ряда новых независимых государств, многие из которых ранее не существовали; при этом территориальные контуры «старых» европейских государств зачастую претерпели серьёзные изменения. Политическая карта европейского континента после Первой

*Текст доклада на Международной научной конференции «Нациостроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

1. Блок А. Стихотворения и поэмы. Москва, 1983. С. 112.
2. Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest – New York: CEU Press, 2015. P. 167-171.

мировой войны до неузнаваемости изменилась, став более мозаичной, фрагментарной и неустойчивой. Многочисленные и амбициозные нациестроительные проекты в Центральной и Восточной Европе, протекавшие на обломках империй и отмеченные изрядным налётом агрессивного этноцентризма, имели исключительно конфликтный, конфронтационный и нередко взаимоисключающий характер. Почти каждое из новорожденных государств Центральной и Восточной Европы могло сказать о себе, что оно находится во «враждебном окружении коварных и агрессивных» стран-соседей.

Военный советник американской делегации на Парижской мирной конференции Т. Блисс в конфиденциальном письме своей супруге весной 1919 г. мрачно предсказывал Европе в скором времени «очередную тридцатилетнюю войну» и сравнивал новые европейские государства с хищными насекомыми, которые, едва родившись, «сразу впиваются в глотку своим соседям. Они подобны комарам – коварны с момента своего рождения».[3] В результате «Великой войны» до неузнаваемости изменилась не только политическая карта европейского континента, но и идеологический облик Европы. «Всё, что было до 1914 года, для всех нас вчерашний день... Этот год глубоко и резко надламывает жизнь каждого из нас, завершая ту политическую, духовную и культурную эпоху, которая началась для всей Европы примерно в середине прошлого столетия», [4] - написал в 1915 году один из чешских современников, выражая чувства многих представителей своего поколения.

Одним из важных последствий Первой мировой войны стало образование независимого чехословацкого государства, процесс становления которого отразил многие существенные черты эпохи. Предпосылки обретения собственной государственности чехами и словаками вызревали длительное время в весьма специфических условиях Австро-Венгрии; при этом мощным катализатором этого процесса стала Первая мировая война. По мнению авторитетного современника, известного публициста и компетентного историографа независимой Чехословакии Фердинанда Пероутки, в роли отца чехословацкой независимости выступило «стремление народа к

свободе, ранее выраженное за границей и позднее дома», а в роли матери – «распад Австро-Венгерской империи».[5] И отцовское, и материнское начало в своем стремлении дать жизнь новой чехословацкой государственности активно взаимодействовало с Россией. Российский фактор играл чрезвычайно важную роль в деятельности чешских политиков, направленной на обретение национальной независимости.

Показательно, что в самом начале «Великой войны» два основных антигабсбургских лагеря в чешском национальном движении – и пророссийский во главе с лидером младочехов и идеологом «неославизма» К. Крамаржем, и прозападный во главе с главой партии реалистов профессором Т.Г. Масариком, основавшим в эмиграции Чешский национальный комитет, - вначале были уверены в необходимости установления в Чехии монархии и отводили России решающую роль в становлении чехословацкой государственности. При этом и Крамарж, и Масарик, учитывая широко распространенные русофильские настроения в чешском обществе в то время, полагали, что наиболее предпочтительным монархом на чешском престоле был бы представитель русской династии Романовых.

Самым последовательным сторонником подобного сценария был К. Крамарж, политические проекты которого накануне «Великой войны» предполагали создание чехословацкого королевства во главе с представителем династии Романовых, которое на правах широкой автономии входило бы в состав «Славянской империи» во главе с Россией. Подготовленный Крамаржем, юристом по образованию, устав этого государства предусматривал, что «Славянская империя» во главе с Россией будет являться единой торговой и таможенной территорией с общей таможенной границей; при этом к компетенции общеимперского законодательства им были отнесены оборона, денежная система, транспорт и имперский бюджет.[6] Примечательно, что и весьма критически относившийся к царской России Т.Г. Масарик, являвшийся поклонником западных демократий, в самом начале Первой мировой войны также исходил

3. Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha: Academia, 2004. S. 74.

4. Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000. S. 263.

5. Peroutka F. Budování státu. 1918-1923. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1998. S. 41.

6. Серапионова Е. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы. Москва, 2006. С. 192.

из необходимости таможенного союза между будущим чехословацким государством и Россией, полагая, что доступ на обширный российский рынок будет в интересах развитой чешской промышленности.

Однако ход Первой мировой войны, революционные потрясения и последующая Гражданская война в России лишили её какой-либо возможности влиять на послевоенное устройство Европы. В итоге решающую роль в становлении чехословацкого государства и в определении его геополитического и идеологического облика стал играть западный фактор и та часть чешской политической эмиграции во главе с Масариком, которая изначально делала ставку на западных союзников. Если первоначально доминировали планы создания чехословацкого государства с монархической формой правления во главе с представителем династии Романовых, то к концу Первой мировой войны после революционных потрясений в России подобный сценарий был окончательно снят с политической повестки дня.

Однако и послереволюционной России было суждено занять важное, хотя и весьма специфическое, место в возведении фундамента чехословацкой государственности. Так, огромную роль в реализации чехословацкого нациестроительного проекта сыграло антибольшевистское восстание чехословацкого армейского корпуса в России в мае 1918 года, которое, успешно реализовав ряд закулисных планов Антанты, привлекло пристальное внимание западных политиков, заинтересованных в свержении большевиков, к чешскому вопросу. По сути, восстание чехословацкого корпуса и его действия на первом этапе Гражданской войны в России, когда чехословацкие легионеры выступили в роли пушечного мяса Антанты, были использованы чехословацкими политиками в эмиграции во главе с Масариком в качестве мощного PR-инструмента для реализации своих политических целей.

Именно это обстоятельство значительно облегчило Масарику и Бенешу коммуникацию с лидерами западных держав, сделав её более эффективной и благожелательной в отношении чешских политических планов, что проявилось в ходе конференции в Париже. В то время как «поляки умудрялись вызывать раздражение даже у своих сторонников, чехи грелись на солнце всеобщего согласия... Почти все в Париже любили чехов и восхищались их представителями... Бенеш и Масарик, подчёркивая глубокие демократические традиции чехов и их неприятие милитаризма, олигархии

и крупного капитала, олицетворявших старые Германию и Австро-Венгрию, выглядели убедительно... В отличие от югославов и поляков чехи обладали ещё и тем преимуществом, что говорили одним голосом».[7] Немалую роль сыграла и политическая интуиция Масарика, а также его умение оказываться «в нужное время в нужном месте» и произносить именно те слова, которые были востребованы вершителями судеб Европы в лице лидеров Антанты.

Впрочем, щедро нарезанные чехам лидерами Антанты границы, включая Подкарпатскую Русь, привели к превращению Чехословакии, по словам канадского историка-слависта П.Р. Магочи, в миниатюрное подобие лоскутной Австро-Венгрии. Многочисленные национальные меньшинства, включая трехмиллионное судетонемецкое меньшинство и более чем полумиллионное венгерское меньшинство в Словакии, составили около трети населения межвоенной Чехословакии, сыграв в конце 1930-х годов роковую роль мины замедленного действия. Эффективно интегрировать данные национальные меньшинства в новое чехословацкое государство и создать «чехословацкую политическую нацию» по столь любимому либеральными пражскими политиками «швейцарскому образцу» Прага в силу ряда причин оказалась неспособна.

Россия, трансформировавшись в СССР, продолжала занимать существенное место в планах чешских политиков уже после образования независимой Чехословакии. «Русский вопрос» оказывал серьезное влияние на политические и идеологические процессы в Первой Чехословацкой республике, став, в частности, одной из важных причин политического размежевания между Крамаржем и его последователями и президентом Масариком и его политическим лагерем. Если оттесненная на задворки консервативная часть чешской политической элиты во главе с Крамаржем последовательно и бескомпромиссно выступала против каких-либо контактов с большевистским СССР, то официальная Прага, внешнюю политику которой длительное время возглавлял убеждённый прагматик и верный соратник Масарика Бенеш, подходила к вопросу сотрудничества с СССР более гибко, взвешенно и реалистично.

7. Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha: Academia, 2004. S. 108.

Необходимость полноценного сотрудничества ЧСР с СССР особенно ярко проявилась в 1930-е годы, когда после прихода к власти в Германии нацистов и в условиях растущей неспособности Франции противостоять Берлину, Прага была остро нуждалась в дополнительных гарантиях своей безопасности. Подписание советско-чехословацкого договора в 1935 г. и активное сотрудничество Праги с Москвой в оборонной сфере дали почву нацистским идеологам в Германии для обвинений Чехословакии в превращении в «большевистский аэродром в центре Европы». Аналогичные обвинения в адрес Чехословакии раздавались и со стороны консервативной польской печати, которая пыталась использовать данное обстоятельство как один из аргументов, оправдывавших участие Польши в расчленении Чехословакии после конференции в Мюнхене.

«Колоссальная слабость Версальской системы заключалась в том, - справедливо полагает британский историк Д. Ливен, - что она создавалась и против Германии, и против России, потерпевших поражение в Первой мировой войне и не игравших роли на мирной конференции. Поскольку Германия и Россия потенциально оставались двумя самыми могущественными государствами Европы, послевоенный строй зиждился на очень ненадежной основе».[8] В этих условиях хрупкие конструкции новых государств Центральной и Восточной Европы были обречены на нелёгкие испытания с трагическим исходом, который проявился в ходе «избиения версальских младенцев» Германией. Самыми первыми жертвами начатой Гитлером политики ревизии Версаля стали хилые дети Версальской системы, которые были безропотно отданы на заклатие Берлину западными демократиями. Предсказанные Александром Блоком «огонь и пороховой дым» вновь охватили Центральную Европу в 1939 году. Однако запах пороха в этой части Европы стал явственно ощущаться ещё в ходе аншлюса Австрии в марте 1938 года и во время конференции в Мюнхене в сентябре 1938 года...

Литература:

- Блок А. Стихотворения и поэмы. Москва, 1983.
- Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Car-

patho-Rusyns. Budapest – New York: CEU Press, 2015.

- Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha: Academia, 2004.
- Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000.
- Peroutka F. Budování státu. 1918-1923. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1998.
- Серапионова Е. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы. Москва, 2006.
- Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha: Academia, 2004.
- Ливен Д. Война, революция и империя // Русский сборник. Исследования по истории России. Редакторы-составители О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Том XXII. 1917 год. Москва, 2017.

REFERENCES:

- Blok A. Stikhotvoreniya i poemy. Moskva, 1983.
- Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest – New York: CEU Press, 2015.
- Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha: Academia, 2004.
- Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000.
- Peroutka F. Budování státu. 1918-1923. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1998.
- Serapionova Ye. Karel Kramarzh i Rossiya. 1890-1937 gody. Moskva, 2006.
- Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha: Academia, 2004.
- Liven D. Voyna, revoljutsiya i imperiya // Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. Redaktory-sostaviteli O.R. Ayrapetov, M.A. Kolerov, Bryus Menning, A.YU. Polunov, Pol Cheysti. Tom XXII. 1917 god. Moskva, 2017.

8. Ливен Д. Война, революция и империя // Русский сборник. Исследования по истории России. Редакторы-составители О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Том XXII. 1917 год. Москва, 2017. С. 31.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1918 ГОДУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ(*).

PROCLAMATION OF THE BELARUS PEOPLE'S REPUBLIC IN 1918: HISTORY AND MODERNITY(*)

Лев Евстафьевич Криштапович, доктор философских наук, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств
PROF., PH.D. Lev Krishtapovich, Belarusian State University Of Culture And Fine Arts

РЕЗЮМЕ. В статье раскрывается сущность националистической белорусизации как антисоветского и антироссийского проекта, направленного на замену белорусской ментальности польско-шляхетскими взглядами и представлениями. Акцентируется внимание на необходимости восстановления в жизнедеятельности белорусского и русского народов общерусской истории как главного условия прогрессивного развития Белоруссии и России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Белорусизация, белорусизаторы, белорусская ментальность, белорусская культура, общерусская история.

ABSTRACT. The article reveals the essence of the nationalistic belarusization as an anti-Soviet and anti-Russian project aimed at replacing the Belarusian mentality with Poland's and Szlachta's views and perceptions. The attention is focused on the necessity to restore the common Russian history in the life of the Belarusian and Russian people as the main condition for progressive development of Belarus and Russia.

KEY WORDS. Belarusization, actors of Belarusization, Belarusian mentality, Belarusian culture, common Russian history.

Необходимо заметить, что история вообще не ограничивается только правильным и, еще того менее, только правдоподобным, то есть такими определениями, правильность которых непосредственно ясна для сознания, оперирующего представлениями или так называемым плюралистическим подходом. История строится на доказанных определениях, то есть таких, содержание которых не воспринимается как внешнее препарирование фактами, а представляет собой результат самого внутреннего исторического развития. Вот почему истинное историческое познание не означает удовлетворение прихотей отдельного человека, чтобы он создавал из них все, что ему захочется.

В истории важно не то, что можно мыслить, а то, что действительно мыслят, и подлинное историческое познание следует искать не в произвольно приводимых примерах, вырванных из контекста исторического процесса событиях, а только в самой истории. Таким образом, мы делаем очень важный шаг вперед, когда в области исторического познания перестаем говорить, что возможно еще и нечто другое. Подходя к истории с точки зрения так называемого плюрализма занимаютс

ным, казусным, истинное же историческое познание есть познание о необходимом, закономерном. Это, разумеется, относится и к истории белорусского народа.

Исторический путь развития Белоруссии проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социальная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Объективно белорусская государственность сформировалась в условиях общерусского цивилизационного пространства, союза с русским народом. Такова специфика исторического формирования белорусской государственности.

Эта специфика образования белорусского государства рельефно проявляется

*Текст доклада на Международной научной конференции «Нациостроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

на примере попытки создания Белорусской Народной Республики (БНР) во время немецкой оккупации Белоруссии в 1918 году. Историки, анализирующие процесс возникновения БНР, делают большой упор на различные частные моменты и особенно казусной логике исторического мышления подразделяются на две группы: одни считают, что БНР не была государством, а представляла собой только идею белорусской государственности, поскольку у нее не было реальной власти и реальных признаков государственности: армии, полиции, Конституции, судебных органов, финансовой системы и т.п. Другие же доказывают, что БНР все-таки была белорусским государством, поскольку имела флаг, герб, «государственную печать». Несмотря на свои расхождения, обе группы исследователей, тем не менее, считают, что БНР следует рассматривать как явление, которое все-таки способствовало формированию национального самосознания белорусского народа, развитию его языка и культуры, осуществлению государственной самостоятельности и независимости.

Некорректность такого вывода заключается в том, что он основывается на хронологических и формально-абстрактных признаках. Для постижения феномена БНР важна не формально-абстрактная, а философско-историческая точка зрения. А философско-историческую подкладку БНР как раз и составлял комплекс антисоветских, антирусских, антисоюзных идей, которые шли вразрез с белорусской ментальностью и белорусской историей.

Идеологи БНР всячески стремились отрицать историческое значение Октябрьской революции в жизни белорусского народа, противопоставить белорусов и русских, развести Белоруссию и Россию по разные стороны исторического и цивилизационного развития. И такая идеология была не только антисоветской и антирусской, но и антибелорусской, поскольку она была чужда белорусскому национальному характеру, в ложном свете рисовала взаимоотношения между белорусами и русскими, а поэтому абсолютно не воспринималась нашим народом. Совсем не случайно, что сама БНР была провозглашена в период немецкой оккупации Белоруссии 25 марта 1918 года., так как она не имела поддержки среди белорусского народа, а лишь рассчитывала на «хаўрус с Германской империей», т.е. с оккупантами. Поэтому не случайно так называемые «руководители» БНР 25 апреля 1918 года послали германскому кайзеру Вильгельму верноподданническую телеграмму, в которой благо-

дарили за освобождение Белоруссии «от тяжелого гнета, господства чужого издевательства и анархии» [1, с. 64]. Кайзеровские марионетки заявляли, что независимость и неделимость края может быть обеспечена только в союзе с Германской империей, только под ее защитой. Находящиеся под защитой кайзеровских штыков бэнээровцы в июле 1918 года поставили во главе «правительства» БНР циничного и жадного польского помещика-латифундиста, векового угнетателя белорусских крестьян Романа фон Скимунта. Больше дискредитации бэнээровской политики, как политики антинародной и антинациональной, придумать было нельзя.

Убедившись, что это компрометирует бэнээровцев в глазах белорусского народа, в октябре 1918 года они вынудили Романа фон Скимунта уйти в отставку и «правительство» БНР возглавил старый «социалист» и антисоветчик Антон Луцкевич, который, видя приближающийся крах Германской империи, стал открыто ориентироваться на панско-шляхетскую Польшу, «обещая подчинить пилсудчикам Белоруссию в виде протектората со статусом автономии» [1, с. 65]. Поскольку все это смахивало на превращение Белоруссии в восточные крессы Польши, то «белорусизаторы» на сессии своей Рады отстранили с так называемого поста премьер-министра Антона Луцкевича и с 12 декабря 1919 года во главе «правительства» БНР стал член партии белорусских эсеров Вацлав Ластовский, такой же активный антисоветчик и русофоб, как и все его предшественники.

Начался поиск новых «кайзеров». 15 сентября 1920 года «правительство» БНР обратилось с письмом к Мирной конференции в Париже с просьбой «внять мольбам» белорусского народа помочь ему «в борьбе с большевистской оккупацией» [1, с. 66]. Но это был глас вопиющего в пустыне.

27 апреля 1922 года Вацлав Ластовский и Александр Цвикевич (министр иностранных дел БНР) прибыли на Генуэзскую конференцию. Они письменно обратились к конференции с просьбой пересмотреть вопрос о Рижском мире и признать БНР. Но вопрос о БНР даже не был вынесен на обсуждение конференции.

Вацлав Ластовский, исключенный из партии белорусских эсеров за тесные связи с Юзефом Пилсудским, в 1923 году вынужден был подать в отставку и «премьер-министром» БНР стал Александр Цвикевич. Это происходило в условиях политиче-

ской переориентации в эмигрантской среде «белорусизаторов». 12 октября 1925 года в Берлине на совещании Рады БНР они признали полное банкротство своей борьбы против Советской власти, объявили о самороспуске «правительства» БНР и признали Минск «единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии» [1, с. 66].

В подтверждение этой бесспорной исторической истины сошлемся на результаты выборов во Всероссийское учредительное собрание в ноябре 1917 года по Белоруссии. Нынешние «белорусизаторы» любят фарисействовать на тему, что Советскую власть в Белоруссии установили, дескать, солдаты Западного фронта против воли белорусского народа, представителями которого были якобы национально-демократические силы, создавшие БНР. Но все дело в том, что подобные карикатурные утверждения нынешних адептов БНР ничего общего не имеют с политической действительностью того времени. Оказывается, во всех белорусских избирательных округах, а их было три, за кандидатов от большевиков (список № 9) проголосовало 63,3% белорусских избирателей. А в сельской местности поддержка большевиков была еще выше. Например, в Хотенчицкой волости Минского уезда за большевиков проголосовало 93% избирателей, в Пуковской волости Слуцкого уезда – 84,5 избирателей [2, с. 387]. Солдаты же Западного фронта составляли особый избирательный округ и по своему избирательному округу в подавляющем большинстве (67,7% избирателей) проголосовали за большевиков. А как же обстояли дела в этом вопросе с так называемыми «белорусизаторами»? Они тоже выставили своих кандидатов в Учредительное собрание (список № 13) и получили ничтожное количество голосов. За их кандидатов проголосовало только 0,3% избирателей [2, с. 387].

В свете вышесказанного совершенно ясно, что БНР никакого отношения к белорусскому национальному самосознанию и к белорусской государственности не имеет.

Но дело с БНР на этом не окончилось. Уже в Советской Белоруссии в 1920-е годы идеология БНР начала реанимироваться под видом политики белорусизации, которая приобрела откровенно русофобский характер. Дело в том, что в процессе развития белорусизацию оседлали бывшие деятели БНР, скрытые антисоветчики, которые под видом национального возрождения белорусского народа, разрыва с цар-

ским прошлым и социалистического строительства в Белоруссии начали пропагандировать откровенную русофобию. Белорусизация в ее националистическом варианте стала представлять собой политику и идеологию антисоветизма и русофобии, направленную на фальсификацию белорусской истории, отрыв ее от общерусской истории, противопоставление братских народов – белорусов и русских и под прикрытием вывески о так называемом возрождении Белоруссии осуществить замену белорусской ментальности антисоветским и антирусским сознанием в интересах всевозможных западных «кайзеров», но, прежде всего, польско-шляхетского экспансионизма.

Как это ни парадоксально, но начало такой белорусизации положило постановление Президиума ЦИК БССР от 11 июля 1923 года об амнистии противников Советской власти в связи с третьей годовщиной освобождения Белоруссии от польских интервентов. Именно с этого времени все наиболее видные противники Советской власти, которые являлись наиболее рьяными белорусизаторами, были амнистированы и начали играть главную скрипку в национально-культурной политике БССР в 1920-е годы.

В феврале 1922 года произошло торжественное открытие Института белорусской культуры (Инбелкульт) как комплексного, многоотраслевого научно-исследовательского учреждения в республике, будущей Академии наук БССР. Первым председателем президиума Инбелкульта был назначен белорусизатор С.М. Некрашевич. Этот тот самый С.М.Некрашевич, активный организатор борьбы с Советской властью, оказался главным руководителем всей науки в БССР.

Действительным членом Инбелкульта стал также амнистированный Язэп (Иосиф Юрьевич) Лесик, который был одним из руководителей Рады Белорусской Народной Республики (БНР), составлял и подписывал благодарственную телеграмму германскому кайзеру, а потом стал подчинять Белоруссию панской Польше [1, с. 75]. И этот лидер антисоветского движения на территории Белоруссии стал главным светочем в области белорусского языкознания в БССР.

Действительным членом Инбелкульта был сподвижник Я.Лесика И.И.Красковский, сторонник подчинения Белоруссии Юзефу Пилсудскому. В эту когорту белорусизаторов входил антисоветчик И.Ф.Сушинский, а также бывший подпол-

ковник царской армии, находившийся на службе у «правительства» БНР, Е.К.Успенский. Главным географом в Инбелкульте стал член первого «правительства» БНР А.А.Смолич. В действительные члены Инбелкульта попали два последних премьера «правительства» БНР В.Ю.Ластовский и А.И.Цвикевич, которые активно боролись против Советского государства не только в годы Гражданской войны, но и после ее окончания, находясь в эмиграции.

Один из виднейших деятелей БНР Вацлав Ластовский в своих работах доказывал, что «белорусы и русские две разные расы, а белорусское движение по существу является не просто сепаратным от России, а движением национально-расовым» [1, с. 79]. Находясь в Каунасе, Вацлав Ластовский с 1923 по 1927 годы, издавал антисоветский и русофобский журнал «Кривич», где «обосновывал» принадлежность белорусов к особой «кривской расе».

Вернувшись из эмиграции в Минск в 1927 году и став руководителем исторической и этнографической науки в Советской Белоруссии, он продолжал проповедовать теорию волото-кривского происхождения белорусов, согласно которой белорусы имеют расово-антропологическое превосходство над русскими. Им была создана так называемая антиисторическая концепция о «Кривии» – огромном белорусском государстве в прошлом, где доказывалось, что белорусский народ должен называться «кривичским», так как он принципиально отличается от русских, а название Белоруссия должно быть заменено Кривией.

Направлял и расставлял кадры таких белорусизаторов в белорусской культуре и науке В.М.Игнатовский – народный комиссар просвещения БССР, член ЦК КПБ и в то же время сам активный белорусизатор. В его работах, которые были изданы в 1920-е годы в Советской Белоруссии («Краткий очерк истории Белоруссии» (на белорусском языке) (1925); «История Белоруссии в XIX начале XX столетия» (на белорусском языке) (1925); «Белоруссия. Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории, экономический очерк Белоруссии и ее округов (1926); «1863 год на Белоруссии» (на белорусском языке) (1930), под прикрытием вульгаризированного понимания марксистской методологии изложены все основные химеры «белорусизаторов»: противопоставление белорусов и русских, отрицание единства древнерусской народности, пропаганда антирусской «Рогнедианы», признание По-

лоцкого княжества белорусским государством, антиисторические глупости о «Великой Белоруссии» от моря до моря, фальсификации о польско-шляхетском восстании в 1863 году, белорусизаторские рассуждения о БНР как национальном движении белорусов. Современные белорусизаторы ничего нового не сочинили, они лишь как попугаи повторяют белорусизаторские фальсификации 1920-х годов.

Характеризуя белорусизаторскую публику 1920-х годов, польский историк Леон Василевский в 1925 году в книге на польском языке «Литва и Белоруссия» писал: «На поле белорусской культуры работают деятели, по существу не имеющие ничего общего с официальным коммунизмом – социалисты-революционеры, сторонники «правительства Ластовского», прежней Верховной Рады и т.д. Овладевают они Институтом белорусской культуры и почти всем издательским делом на белорусском языке». Далее польский историк говорит о том, что эти белорусизаторы для маскировки вынуждены приспособляться «к официальной линии советской политики» [3, с. 217].

Некоторые недалекие историки могут сказать: раз при Советской власти началась такая белорусизация, следовательно, виновата Советская власть. Это ошибочное заключение. Советская власть ставила задачу национально-культурного развития белорусского народа. Это была исторически справедливая задача. Ведь все белорусские этнографы дореволюционного периода (Евдоким Романов, Александр Сержпутовский, Николай Янчук, Иван Еремич, Адам Богданович, Николай Никифоровский, Юлиан Крачковский) криком кричат о забитости, о темноте, о культурной неразвитости белорусского крестьянина и рабочего. Вырвать белоруса из неграмотности, приобщить его к образованию и культуре – вот чем занималась Советская власть. Белорусизация в 1920-е годы основывалась на доверительном отношении Советской власти к интеллигенции, которая занималась культурной работой в республике. Среди этой интеллигенции была антисоветская часть (Ластовский, Смолич, Лесик, Цвикевич, Успенский, Некрашевич), которая использовала культурную работу как возможность разрушить общекультурное и государственное единство белорусов и русских. Другими словами, белорусизация в ее националистическом понимании внедрялась не Советской властью как таковой, а группой антисоветски и антирусски настроенных интеллигентов, которые, злоупотребляя доверием Советской власти, всячески проби-

рались в органы управления культурой и наукой в Белоруссии. Когда русофобские и антисоветские результаты приобрели значительный характер и стали угрожать самому государству, единству народов СССР с националистической белорусизацией в 1920-е годы было покончено.

В третий раз антисоветская белорусизация была реанимирована в годы немецко-фашистской оккупации Белоруссии. Повторилась опять белорусизация, которая свелась к уже известным постулатам: антисоветизму и русофобии. Приехавших в немецком обозе гитлеровских лакеев, (Радослав Островский, Франтишек Кушель, Наталья Арсеньева, Иван Ермаченко, Владислав Козловский, Вацлав Ивановский, Язэп Найдюк, Станислав Станкевич, Лариса Гениюш и др.) немцы стали использовать для белорусизации, т.е. для разжигания межнациональной ненависти и восхваления гитлеровской «Новой Европы». По данным известного советского белорусского историка В.Ф. Романовского, к 6 июля 1941 года немцы привезли около 50 таких гитлеровских наемников [4, с. 77]. И привозных, и местных своих марионеток фашисты использовали для проведения лживой антисоветской и русофобской пропаганды. Для этого стало издаваться несколько белорусизаторских газет и журналов. Главное место среди этих изданий занимала выходившая в Минске «Беларуская газета», редактором которой гитлеровцы назначили одного из создателей национал-социалистической партии в Западной Белоруссии Владислава Козловского [1, с. 126]. Вот что проповедовали гитлеровские белорусизаторы в этой газете. «У Менску парасейску размаўляюць толькі сакрытыя жыды і камуністы». Сам гауляйтер Вильгельм Кубе печатался в этой газете. Приведем цитату, как он поучал белорусизаторов в первую годовщину вероломного нападения Германии на СССР 22 июня 1942 года: «Минск должен стать центром собственной белорусской жизни под немецким предводительством в новой Европе. Но Беларусь должна прийти к самосознанию и энергично взяться за задачи, определенные ей Судьбой. Беларусь более не форт выпадов красных правителей против Европы, а граница новой Европы против степного духа москалей» [5, с.7]. Вот уж действительно – ничто не ново под луной. Оказывается, современные белорусизаторы ничего не придумали оригинального на тему независимой европейской Белоруссии и европейской идентичности белорусов. Они лишь занимаются плагиатом из фашистских циркуляров. Например, белорусизатор

Леонид Лыч, который в советские годы живописал о дружбе белорусов и русских, следующим образом комментирует высказывание фашистского бонзы: «Подобная позиция гауляйтера не могла не привлекать к себе белорусских деятелей национальной ориентации... Снисходительное отношение В.Кубе к белорусскому вопросу позволяло научной, творческой интеллигенции, без оглядки по сторонам, строить свою деятельность с учетом национальных интересов, смело идти в народ и говорить ему всю правду о прошлом, склонять к активному участию в устройстве национальной жизни в рамках дозволенного властями [5, с.7]. Какая трогательная идиллия! Так и хочется воскликнуть: «Хайль Гитлер!» и «Жыве Беларусь!» Возвести фашистских палачей в ранг покровителей белорусского возрождения именно к этому сводится национальная идея и евроинтеграция Белоруссии у современных поклонников националистической белорусизации.

Казалось бы, с войной и белорусизацией покончили мы счеты. Но не тут-то было. Националистическая белорусизация выползла на божий свет в четвертый раз. Это произошло в результате разрушения СССР.

Общеизвестно, что разрушение СССР квалифицируется как «величайшая геополитическая катастрофа XX века». Как правило, при анализе этой «геополитической катастрофы XX века» ограничиваются узкоэкономическим подходом. Обычно говорят о падении валового внутреннего продукта, снижении жизненного уровня народа, разрыве производственных и кооперационных связей, демографическом кризисе, деградации науки и культуры и т.п. Разумеется, все это правильно. Но все эти перечисления негативных последствий разрушения СССР для наших народов не замечают главного. А именно: свой главный удар разрушители СССР направляли против нашей отечественной, общерусской истории. Против исторического сознания наших братских народов. Причем не только против советской истории, но и против досоветской истории. Вот как нынешний академик Российской академии наук, научный руководитель ИНИОН Юрий Пивоваров поливает грязью всю общерусскую историю и Россию: «...Богомерзкий Сталин создал отвратительный культ Александра Невского...Тот же Александр Невский одна из спорных, если не сказать смрадных фигур в русской истории, но его уже не развенчать...Суть русской жизни неизменна: презрение к личности, в том или ином варианте насилие над человеком и его – в конечном счете – за-

кабаление, воровство, умение самоорганизовываться лишь на злое дело...Нужно, чтобы Россия потеряла Сибирь и Дальний Восток...Кутузов был лентяй, интриган, эротоман, обожавший модных французских актрис и читавший французские порнографические романы...» [6]. Как тут не вспомнить гениального Пушкина, который как будто специально писал не о Фаддее Булгарине, а о Юрии Пивоварове: «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев» [7, с. 474].

Фальсификация нашей общерусской истории приобрела многоаспектное измерение, разрушители СССР подвергли дискредитации все ключевые события отечественной истории, всех выдающихся деятелей нашего общего Отечества. Один из своих основных ударов фальсификаторы наносили против древнерусской народности и древнерусского государства как корневых основ этнического и государственного единства белорусов, русских и украинцев. Преследовалась цель развести их по разные стороны исторического развития, противопоставить их друг другу, заменить нашу собственную историю чужой историей, точнее, чужими антиисторическими взглядами на историю наших братских народов. Фальсификаторы нашей общерусской истории работают именно в направлении деисторизации и деинтеллектуализации общественного сознания наших стран, ликвидации исторической памяти наших народов, выполняя тем самым антиисторический заказ своих западных хозяев. **Ведь понятно, что народы, лишённые исторической памяти, утратившие свои ментальные характеристики, неспособны ни к какой исторической жизни, оказываются вне исторического времени и пространства, исчезают из истории как народы.**

Важно отметить, что фальсификаторы нашей истории ничего нового и оригинального в своих «исследованиях» не сообщают. Они лишь всего воспроизводят антиисторические инсинуации западной пропаганды и реанимируют антирусские сентенции так называемых белорусизаторов и украиноизаторов конца XIX начала XX веков в Белоруссии и на Украине.

Наглядный пример такой фальсификации в современной белорусской истории и культуре является попытка белорусизаторов представить польских магнатов XVII-

XVIII веков Радзивиллов примером истинных белорусов, независимых и свободолюбивых, веселых и добрых, творческих и поэтичных. Кроме, как глупостью, подобные утверждения назвать нельзя.

Ибо Радзивиллы, известные как одни из самых сумасбродных магнатов Речи Посполитой, не только не имели никакого отношения к белорусской ментальности и белорусской государственности, но были самыми настоящими душителями всего белорусского. Все великолепие и богатство их имений было основано на многовековом национальном и духовном порабощении белорусского народа. Этот исторический факт не вызывал сомнений у современников Радзивиллов. Вот как описывают очевидцы реальную ситуацию в Белоруссии во время господства польских магнатов. «Проезжая (Белоруссию), надрывается сердце от боли и жалости. Богатая земля населена людьми, которые изнемогают от работы, а дурные паны управляют с безудержной властью крестьянами, доведенными до окончательной нищеты. Грабеж повсюду бессовестный и бесстрашный» [8, с. 68]. Грабеж повсюду бессовестный и бесстрашный – вот что такое Радзивиллы для белорусского народа.

Но еще большей глупостью являются утверждения нынешних белорусизаторов, что Радзивиллы могут служить примером государственных деятелей, отстаивавших независимость своей страны. И это тем более актуально, заявляют фальсификаторы, что сегодня Белоруссия тоже ищет свой путь в мировом сообществе, стремится занять в нем достойное место в качестве независимой суверенной державы. Этим малоумным поклонникам радзивиловщины полезно было бы знать, что польские магнаты отстаивали не независимость своей страны, а боролись за сохранение всевластия и произвола магнатов в Речи Посполитой. Что, кстати, не составляло секрета ни для кого. Еще в XVI веке видный польский мыслитель и гуманист Анджей Моджевский писал: «Не нужно предсказаний астрологов, чтобы увидеть, что спесь и крайний произвол приведут это королевство ни к чему иному, как только к гибели» [9, с. 123]. Именно спесь и сумасбродство таких деятелей, как Радзивиллы, и привели к краху само польское государство.

И предлагать в пример польских магнатов, разрушивших собственное государство, для сохранения белорусской независимости в сегодняшнем мире могут только такие работники культуры, горизонт которых ограничен парадными залами Несвиж-

ского замка.

Надо откровенно признать, что многие работники культуры в Белоруссии не понимают взаимоисключающих явлений. Им кажется, что если произошла реставрация Несвижского замка, то, следовательно, это означает и реставрацию образа жизни польских магнатов, включение этого образа в каталог белорусской культуры. Именно на таком ложном отождествлении осуществляется фальсификация нашей истории, когда жестокосердные польские магнаты преподносятся как представители белорусского самосознания. Конструируется иллюзорная действительность: будто бы польские магнаты заботились о процветании белорусских крестьян. Вот почему важно понимать, что реставрация исторических памятников, в том числе и замков польских магнатов на территории Белоруссии, не означает реставрации ментальности польской аристократии в белорусской культуре. Поэтому полнейшей фальсификацией являются попытки определенных деятелей белорусской культуры зачислить в разряд белорусских князей Миндовга, Ольгерда и Витовта, тащить в современную белорусскую культуру Радзивиллов, Сапег, Огинских как якобы видных представителей белорусских знатных родов и высокой белорусской ментальности. Это не только выглядит глупо по отношению к действительной истории Белоруссии, но и является прямым оскорблением национальных чувств нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от социального, национального и религиозного угнетения подобных «благодетелей» белорусов.

Зачем это делалось и делается? Затем, чтобы лишив наши народы своего исторического сознания, реализовать геополитические проекты Запада на постсоветском пространстве. То, что не удалось сделать западным правителям в битве при Чудском озере, в годы Смутного времени, во время Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, они решили осуществить в результате «геополитической катастрофы XX века». Для реализации своих антирусских замыслов Запад на помощь призвал коллаборационистов-фальсификаторов, которые должны были подвести, так сказать, «историческую» основу под разрушение СССР. Дескать, поскольку наша общерусская история была неправильной, нашим народам следует отречься от своей истории и заменить ее историей правильной. Какой? Разумеется, той, которая изложена в западной историографии. То есть историей, которая оправ-

дывала агрессивную, колониальную политику Запада в отношении незападных народов. То есть историей, которая оправдывает сегодняшнюю экспансионистскую политику западных правительств в отношении постсоветских республик в виде продвижения НАТО на Восток, навязывании западных ценностей в качестве универсальных ценностей человечества, противодействию интеграции между бывшими союзными республиками, устранении неугодных политических лидеров.

Нужно ясно понимать, что это не некие абстрактные исторические дискуссии, не имеющие отношения к настоящему. Проталкивая идеологию БНР в белорусское самосознание, «белорусизаторы» делают это для того, чтобы подчеркнуть неправильность избранного белорусами пути развития, попытаться навязать чуждые нашему народу ценности, а значит, в корне пересмотреть политику государства. Именно этим объясняются протаскивание лозунгов об исключительно европейском характере Белоруссии и игнорирование ее общерусских корней. Отказ от общерусских корней белорусского самосознания – это отказ от союза с братской Россией, а шире – от участия в каких-либо интеграционных процессах на постсоветском пространстве, отказ от исторического выбора белорусского народа, смена геополитической ориентации нашей республики. **Именно эту цель и преследуют «белорусизаторы» при восхвалении БНР.**

Отсюда вытекает важнейшая задача для деятельности всех структур белорусского гражданского общества. Вернуть общерусскую историю, общерусское сознание во все сферы жизнедеятельности белорусского общества. Вернуть общерусскую историю в исторические учебники, вернуть общерусскую историю в литературу и искусство, в театр и кино, на радио и телевидение, в газеты и журналы, в систему воспитания и образования. Без выполнения этого условия все наши усилия по преодолению негативных последствий геополитической катастрофы XX века будут напрасны.

ЛИТЕРАТУРА

- *Залесский, А.И., Кобринец, П.Н.* О национальных от ношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки / А.И. Залесский, П.Н. Кобринец. – Гродно, 1992. – 193 с.

- *Игнатенко, И.М.* Беднейшее крест'янство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск, 1962. – 473 с.
- *Василевский, Леон.* Литва и Белоруссия / Леон Василевский. – Варшава, 1925. – 316 с.
- *Раманоускі, В.* Саудзельнікі ў злачынствах / В. Раманоускі. – Мінск, 1964. – 276 с.
- *Петровский, Петр.* Четыре мифа о БССР, колыбели современной белорусской нации / Петр Петровский // Коммунист Беларуси. – 2015. - № 52.
- Публицист Александр Трубицын: Очередное вранье академика Пивоварова / <https://kprf.ru/history/soviet/169996.html> (дата доступа: 12. 01. 2018).
- *Пушкин, А.С.* Сочинения: В 3 т . Т. 3. Проза / А.С. Пушкин. – Минск, 1987. – 526 с.
- Гісторыя БССР. – Мінск, 1971. – 278 с.
- Польские мыслители эпохи Возрождения. – М., 1960. – 304 с.
- Gistoryya BSSR. – Minsk, 1971. – 278 s.
- Pol'skiye mysliteli epokhi Vozrozhdeniya. – M., 1960. – 304 s.

REFERENCES:

- Zaleskiy, A.I., Kobrinets, P.N. O natsional'nykh otnosheniyakh v Sovetskoj Belorussii. Istoricheskiye ocherki / A.I. Zaleskiy, P.N. Kobrinets. – Grodno, 1992. – 193 с.
- Ignatenko, I.M. Bedneysheye krest'yanstvo – soyuznik proletariata v bor'be za pobedu Oktyabr'skoj revolyutsii v Belorussii / I.M. Ignatenko. – Minsk, 1962. – 473 с.
- Vasilevskiy, Leon. Litva i Belorussiya / Leon Vasilevskiy. – Varshava, 1925. – 316 с.
- Ramanouski, V. Saudzel'niki u zlachynstvakh / V. Ramanouski. – Minsk, 1964. – 276 с.
- Petrovskiy, Petr. Chetyre mifa o BSSR, kolybeli sovremennoy belorusskoj natsii / Petr Petrovskiy // Kommunist Belarusi. – 2015. - № 52.
- Publitsist Aleksandr Trubitsyn: Ocherednoye vran'ye akademika Pivovarova / <https://kprf.ru/history/soviet/169996.html> (data dostupa: 12. 01. 2018).
- Pushkin, A.S. Sochineniya: V 3 t. T. 3. Proza / A.S. Pushkin. – Minsk, 1987. – 526 s.

Александр Дмитриевич Гронский. Ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Кандидат исторических наук, доцент.

Alexander Gronskii. Lead Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Candidate of Historical Sciences, Docent.

1917 г. И КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА(*)

1917 AND THE COLLABORATION ACTIVITY OF THE BELORUSSIAN NATIONALISM (*)

РЕЗЮМЕ. Исследуется вопрос об отношении белорусского национализма к возможности победы Германии в Первой мировой войне и сотрудничестве белорусских националистических лидеров с оккупационным режимом накануне и в период революционных событий 1917 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Белорусский национализм, коллаборационизм, Первая мировая война, Февральская революция 1917 г. Октябрьская революция 1917 г.

ABSTRACT. The article examines the attitude of Belorussian nationalism towards the victory of Germany in the First World War and the cooperation of Belorussian nationalist leaders with the occupation regime on the eve and during the revolutionary events of 1917.

KEY WORDS. Belorussian Nationalism, Collaboration, World War I, February Revolution 1917 October Revolution 1917

Ко времени революционного слома в России на её просторах существовали различные виды национализмов. Среди них были как русский национализм, который потенциально мог охватить просторы всей империи, так и национализмы малых этнокультурных групп. Стоит отметить, что среди таких малых национализмов лишь два, по мнению российского исследователя В.А. Тишкова, могли претендовать на то, чтобы их можно было назвать полноценными национализмами. Это были финский и польский национализмы[1]. Что касается остальных проявлений национализмов, то В.А. Тишков вполне закономерно указывает, что «“национальные движения” в империи Романовых были маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций, крайне редко облакаемых в риторику национализма, а тем более в его сепаратистской форме»[2]. К таким манифестациям следует отнести и белорусскую. Тем не менее, по сложившейся привычке эту активность продолжают называть национальным движением, хотя основного признака движения – массовости – в белорусской версии национализма не было в принципе, поэтому белорусскую активность всё же более корректно, хотя и с большой натяжкой, называть национализмом.

К революционным потрясениям 1917 г. белорусский национализм подошёл с достаточно интересным багажом. После того, как русский фронт Первой мировой войны стабилизировался, территория, на которую претендовал белорусский национализм, оказалось разрезанной линией фронта на две части. Большая часть оставалась под контролем России, меньшая была оккупирована немцами. Нужно сразу оговориться, что территория, на контроль над которой претендовал белорусский национализм, была шире той, на которой в советскую эпоху началось белорусское нациестроительство, что характерно для любого национализма в любой исторический период.

Оказавшиеся по разные стороны фронта белорусские активисты выбрали для

*Текст доклада на Международной научной конференции «Нациостроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

1. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 4.

URL: http://globalaffairs.ru/number/n_11152 (Дата обращения 19.03.2017).

2. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. май-июнь. – С. 34.

себя разные модели поведения. Те, кто остался на неоккупированной части страны, занимались в основном культурной работой. Однако свою деятельность белорусские деятели очень резко сократили в силу разных причин. Часть из активистов была призвана в русскую армию, некоторые отправились туда добровольно. Ещё часть отправилась в эвакуацию вглубь России, некоторые остались в прифронтовом Минске и других городах. Нужно сказать, что вплоть до весны 1917 г. белорусская работа на неоккупированной части империи была практически незаметна.

Те, кто остался на оккупированной территории, повели себя по-другому. Пользуясь антироссийской политикой немцев на оккупированных территориях, они попытались конкурировать с иными национальными проектами, претендовавшими на белорусскую территорию или её часть. В первую очередь белорусские националисты столкнулись с польскими претензиями. Немцы, хотя и склонялись к большей поддержке более заметного и сформированного польского движения, всё же не упускали из виду и относительно слабые проявления иных активностей – украинской, литовской, белорусской. В частности, про белорусских активистов некто фон Бекерат писал немецкому командующему войсками на оккупированной белорусской территории: «Белорусы не высказывали никогда желания к государственной самостоятельности... Некоторые стремления сепаратистские, которые развивают несколько археологов и литераторов в Вильни, нужно причислить к местным делам, не имеющих политического значения»[3]. Оставшиеся под немецкой оккупацией белорусские активисты получили возможность вести свою пропаганду и развивать иные виды активности. Однако полное отсутствие поддержки среди населения, в первую очередь финансовой, привело к тому, что именно немецкие оккупационные власти открыли в 1916 г. белорусскую учительскую семинарию[4], а также организовали вооружённые белорусские формирования, оказавшиеся, кстати, полностью небоеспособными[5].

Необходимо отметить, что ещё в самом начале Первой мировой войны белорусская националистическая пресса достаточно прозрачно указала на своё отношение к текущим событиям. Ей было всё равно, кто победит в войне. В частности, в первые дни войны белорусская газета «Наша нива» написала: «Чем бы война не кончилась, сколько бы люде не взяла себе в жертву, народы останутся»[6]. Чуть позже эта мысль была развита в «Мемории», которая специально готовилась к конференции

народов в Лозанне в 1916 г. Помимо упоминания о том, что белорусы в России страдают от полного отсутствия прав, там было сказано: «Какой бы не был конец войны, народы европейские помогут нам утвердить в Белоруссии все политические и культурные права»[7]. Таким образом, белорусский национализм пришёл к 1917 г. с твёрдым убеждением, что ему безразлично, какое государство одержит победу в войне – то, подданными которого его представители являются, и в рядах армии которого воюют некоторые из них, или то, которое оккупировало часть Белоруссии, разделив линией фронта как простой народ, так и силы самих националистов.

После Февральской революции на неоккупированной части Белоруссии, как и по всей России, началось создание различных политических организаций, выдвигавших разнообразные лозунги. Активно начали формироваться и белорусские организации. Однако, на фоне активности остальных политических сил, белорусские националисты были практически незаметны даже у себя на родине. В частности, деятель общероссийского и польского революционного движения В. Солский оставил мемуары, в которых описывал ситуацию в Минске в 1917 г.[8]. Солский упоминает об общероссийских политических силах – большевиках, меньшевиках, эсерах и т.д., а также о национальных – польских, еврейских. Но он совершенно не видит никакой белорусской активности. Тем не менее, она существовала, но её работа и в самом деле была незаметна на фоне деятельности остальных сил. Белорусские силы попали в сложную ситуацию.

Они не могли решиться на создание независимого, т.е. белорусского государства, которое не являлось бы частью некой большей федерации. Такими федерациями предполагались литовско-белорусская, литовско-латышско-белорусская, польско-белорусская и т.д. Эти варианты федерации в основном рассматривались активиста-

3. Станкевіч Я. Да гісторыі беларускага палітычнага вызваднення // Станкевіч Я. Выбранае / Уклад., прадм. і камент. Ул. Конана – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2008. – С. 261.

4. Западные окраины Российской империи – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 415.

5. Там же. С. 418.

6. а-на-а. Вайна пачалася // Наша нива. № 29. 1914. 25 Ліпня. – С. 1.

7. Мэморыя прадстаўнікаў Беларусі на ІІІей Канфэрэнцыі народаў. – Мінск: Вольная Беларусь, 1917. – С. 7.

8. Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. – Минск: Тесей, 2004. – 224 с.

ми, оставшимися на оккупированных территориях. Отдельно рассматривался вопрос о федеративной республиканской России. Эту идею предлагали те, кто остался на неоккупированной территории. Но идея автономии Белоруссии не нашла поддержки у Временного правительства. А.Ф. Керенский ответил белорусским активистам достаточно ёмкой фразой: «Россия – не этнографический музей!»[9]. Однако и находящиеся на неоккупированной территории белорусские националисты делали ставку на западные страны, а конкретно, на Германию. Так, летом 1917 г. в газете «Вольная Беларусь» белорусский националист Я. Лёсик, писал: «Вильгельм воюет как раз за то, что необходимо людям: он хочет увеличить своё государство»[10]. Один из белорусских активистов большевистского толка Д. Жилунович писал, что все националисты понимали, победа над Германией «прячала в себе угрозу разгула отвратительного русского самодержавного национал-шовинизма со всеми его красотами»[11]. Естественно, вряд ли в случае победы в войне российские власти стали бы относиться к белорусскому национализму более лояльно, учитывая его ориентацию на Германию. Вообще, по мнению Жилуновича, белорусских активистов до Февральской революции от остальных отличало лишь «острое желание победы немцам, которое не покидало белорусских кругов всё время»[12].

Помимо «федералистов» в белорусской активности существовало небольшое направление «независимых», не желавших федераций с соседями. К таким можно отнести В. Ластовского, который в 1916 г. писал: «В борьбе с польским и московским засильем в нашем крае единая дорога наша правильная – это радикальная народная программа». В. Ластовский считает, что в Белоруссии, как и в Индии, существует кастовая система, поэтому надо опираться только на «белорусско-мужицкую касту», с помощью которой «можно создать силу». Также В. Ластовский считает, что идея «края с пятью нациями» «ведёт всю белорусскую работу к позорному упадку». «Чтобы работа развивалась, – продолжает он, – необходимы фанатики святого дела, а не вялые соглашатели, которые воробьями на крыше родное Отечество готовы продать “пяти нациям”». Кратко говоря, при нынешней агитации против нас я вижу один выход: кастовую программу во всей её широте, не скрывая, не замалчивая ничего»[13]. Однако таких «независимых» было немного.

Апофеозом белорусской деятельности революционного периода был созыв

Первого Всебелорусского съезда, который прошёл в декабре 1917 г. Съезд не закончил свою работу, т.к. был разогнан большевиками, которые вдруг обнаружили, что созданный на деньги большевиков съезд[14] вдруг оказался не большевистским, а «мелкобуржуазным». Интересно то, что во время работы этого «небольшевистского» съезда его председатель президиума постоянно общался со Стальным по прямому проводу[15]. Тем не менее, съезд успел принять единственную резолюцию, которая характеризует основные чаяния большинства тех, кто был связан с белорусской активностью. В резолюции говорилось, что «для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской демократической федеративной Республики, I Всебелорусский съезд постановляет» организовать орган временного управления краем, который вступит в «деловые отношения с Центральной властью»[16]. Т.е. белорусские активисты однозначно выступили за федеративные отношения с Центром и не собирались объявлять независимость. Тем не менее, их деятельность на тот момент не имела никакого успеха среди населения, поскольку последнее практически не знало о существовании каких-то белорусских организаций. Так, польско-белорусский исследователь А. Борщевский, собирая воспоминания жителей бывшей Гродненской губернии, которые застали революционные события молодыми людьми, указывал: «Практически никто из моих собеседников вплоть до 1917 г. не сталкивался с какими-нибудь информацией или идеями, связанными с белорусской государственностью». Лишь несколько жителей единственной деревни указали, что

9. Туронак Ю. Нежданная рэспубліка // Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. – С. 66.

10. Лёсік Я. Хто вінаваіца вайны // Лёсік Я. Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы / Уклад., прадм. і камент. А. Жынка – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – С. 150.

11. Ж.З.Х. Уступамі да Акцябра [пачатак] // Польшыя. 1923. № 5-6. – С. 141

12. З.Ж. Зъезд беларускіх нацыянальных арганізацый // Польшыя. 1925. № 6. – С. 202

13. Ластоўскі В. Антону Луцкевічу [ліст] // Ластоўскі В. Выбраныя творы / Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. – Мн., 1997. – С. 432.

14. Туронак Ю. Першы Усебеларускі зъезд // Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. – С. 68.

15. Там же.

16. Там же. С. 67.

они до революции столкнулись с газетой «Наша нива»[17]. Представления о том, что белорусы – это не русские, и поэтому они должны иметь отдельное государство появились лишь после Февральской революции под влиянием агитаторов, которые пропагандировали среди солдат минского гарнизона[18]. В том же Минске лишь с 1919 г. отдельные учителя стали учить детей по-белорусски[19]. А в некоторых местах, например, в деревне под Минском, первая белорусскоязычная газета появилась лишь в 1920, до этого никто из сельчан вообще не подозревал о существовании газет на белорусском языке[20].

Сами же крестьяне зачастую очень негативно относились к белорусской идее. В частности, националист Я. Лёсик столкнулся с тем, что на белорусском крестьянском съезде в 1917 г. белорусские крестьяне и учителя выступили с лозунгами «Не нужно нам белорусов, долой белорусов!»[21]. Также однозначно Я. Лёсик оценил и работу Всебелорусского учительского съезда в мае 1917 г, указывая, что он похож на собрание «парафиальных попов», которые хотят выразить «чувство беспредельной любви к обожаемому монарху»[22].

Современные исследователи делают вывод, что белорусская активность революционного периода была достаточно слаба. Так, французская исследовательница Э. Каррер д'Анкосс, утверждает, что белорусам «не хватало важного элемента: национального самосознания, объединявшего общество». Интеллигенция мечтала о создании собственно белорусской культуры, но [...] стремление определить собственно белорусскую культуру (речь о нации ещё не идёт!) формировалось в противовесе» больше с культурами польской, еврейской, литовской, чем с российской[23]. Примерно такого же мнения придерживается британский учёный Д. Ливен, который утверждает, что на тот момент белорусское крестьянство было более русским, чем белорусским, как с точки зрения политической лояльности, так и национальной идентичности[24]. Также он добавляет, что даже у украинских крестьян, среди которых украинская пропаганда работала более эффективно, «чувство национальной идентичности [...] оставалось довольно слабым, если только существовало вообще»[25]. Понимали это и сами белорусские националисты. В частности, В. Ластовский писал в 1919 г.: «Если мы хотим жить и быть нацией, народом, мы должны создать свою литературу, науку, своё искусство. Вот главное направление бытования нас, белорусов как

нации»[26].

Стоит полностью согласиться с академиком В.А. Тишковым, который пишет, что «вплоть до Первой мировой войны периферийные национализмы носили маргинальный характер. Их неожиданный триумф был вызван кризисом Центра и намеренной поддержкой со стороны революционных партий»[27].

В целом, можно с уверенностью сказать, что национальная активность белорусских групп и отдельных личностей не была известна в массах даже белорусских крестьян, на которых эта активность ориентировалась. Вся деятельность националистов была направлена в первую очередь на то, чтобы на них обратили внимание те силы, которые контролировали регион в тот или иной момент времени. Однако эти силы делали ставку в первую очередь на те национальные организации, которые были более-менее заметны.

ЛИТЕРАТУРА

- Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_11152 (Дата обра-

17. Баршчэўскі А. Вялікая і малая айчына ва ўспрыяцці беларусаў з Усходняй Беласточчыны // Беларусіка-Albarutenika. Кн. 6., ч. 1. – Мінск: Нацыянальны навукова-даследчыцкі цэнтр імя Ф. Скарыны, 1997. С. 299.

18. Там же. С. 301.

19. Улашчык М. Хто мы такія? // Улашчык М. Выбранае / Уклад. А. Каўкі і А. Улашчыка; Навук. рэд. Г. Кісялёў і В. Скалабан; Прадм. і камент. А. Каўкі. – Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2001. – С. 322.

20. Там же. С. 326 – 327.

21. Лёсик Я. Нацыянальны ўціск // Лёсик Я. Творы: Апавяданн. Казкі. Артыкулы. – С. 133.

22. Лёсик Я. Настаўніцкі з'езд // Там же. – С. 134.

23. Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней – М.; РОС-СПЭН, 2007. – С. 170.

24. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней – М.: Издательство «Европа», 2007. – С. 439.

25. Там же. С. 444.

26. Ластоўскі В. Нашы цэннсці // Ластоўскі В. Выбраныя творы. – С. 323.

27. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ. – С. 38.

щения 19.03.2017).

- Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007.
- Станкевич Я. Выбранае / Уклад., прадм. і камент. Ул. Конана – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2008.
- Западные окраины Российской империи – М.: Новое литературное обозрение, 2006. –
- Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. – Минск: Тесей, 2004.
- Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Лёсік Я. Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы / Уклад., прадм. і камент. А. Жынкiна – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994.
- Ластоўскі В. Выбраныя творы / Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. – Мн., 1997.
- Баршчэўскі А. Вялікая і малая айчына ва ўспрыяцці беларусаў з Усходняй Беларусточчыны // Беларусіка-Албарутеніка. Кн. 6., ч. 1. – Мінск: Нацыянальны навукова-даследчыцкі цэнтр імя Ф. Скарыны, 1997.
- Улашчык М. Выбранае / Уклад. А. Каўкі і А. Улашчыка; Навук. рэд. Г. Кісялёў і В. Скалабан; Прадм. і камент. А. Каўкі. – Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2001.
- Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней – М.; РОССПЭН, 2007.
- Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней – М.: Издательство «Европа», 2007.

- Tishkov V.A. Chto yest' Rossiya i rossiyskiy narod // Pro et Contra. 2007.
- Stankevich YA. Vybranaye / Uklad., pradm. i kament. Ul. Konana – Minsk: Belaruskі knigazbor, 2008.
- Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2006. –
- Solskiy V. 1917 god v Zapadnoy oblasti i na Zapadnom fronte. – Minsk: Tesey, 2004.
- Turonak YU. Madernaya гіstoryya Belarusі – Vіl'nya: Іnstytut belarusіstyкі, 2006.
- Losik YA. Tvory: Apavyadannі. Kazkі. Artykuly / Uklad., pradm. i kament. A. Zhynkіna – Minsk: Mastatskaya lіtaratura, 1994.
- Lastoŭskі V. Vybranyya tvory / Uklad., pradmova i kamentaryі YA. Yanushkevіcha. – Mn., 1997.
- Barshcheŭskі A. Vyalіkaya і malaya aychyna va ūspryyatstсі belarusaŭ z Uskhodnyay Belastochchyny // Belarusіka-Albarutenika. Kn. 6., ch. 1. – Minsk: Natsyyanal'ny navukova-dasledchytskі tsentr іmya F. Skaryny, 1997.
- Ulashchyk M. Vybranaye / Uklad. A. Kaŭkі і A. Ulashchyka; Navuk. red. G. Kіsyaloŭ і V. Skalaban; Pradm. i kament. A. Kaŭkі. – Minsk: «Belaruskі knigazbor», 2001.
- Karrer d'Ankoss E. Yevraziyskaya imperiya: Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney – M.; ROSSPEN, 2007.
- Liven D. Rossiyskaya imperiya i yeyo vragi s XVI veka do nashikh dney – M.: Izdatel'stvo «Yevropa», 2007.

REFERENCES:

- Tishkov V.A. Rossiyskiy narod i natsional'naya identichnost' // Rossiya v global'noy politike. 2008. № 4. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_11152 (Data obrashcheniya 19.03.2017).

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ(*).

WORLD OUTLOOK ORIGINS OF THE NATIONAL POLICY OF BOLSHEVIKS(*)

РЕЗЮМЕ. Рассматриваются идейные предпосылки и историческая обусловленность национальной политики большевиков. Выясняется соотношение национализма и коммунизма как двух типов «освободительных движений» в начале XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Нционализм, коммунизм, большевизм, интернационализм.

ABSTRACT. The ideological and historical background of the Bolsheviks national policy is considered. It turns out that nationalism and communism correlate as two types of “liberation movements” at the beginning of the XX century.

KEY WORDS. Nationalism, communism, Bolshevism, internationalism.

Всеволод Владимирович Шимов

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Белорусского государственного университета,

Vsevolod Shimov

Department of political science Belarusian State University

Одним из главных и долгосрочных последствий победы Октябрьской революции была национальная политика Советского государства, определяющая и современную геополитическую конфигурацию постсоветского пространства, а также связанные с ней проблемы и противоречия. Национально-административное размежевание СССР сформировало территориальную матрицу его распада, а попытки тех или иных форм реинтеграции постсоветских государств неизменно наталкиваются на противодействие элит, ревниво охраняющих свой сравнительно недавно обретенный суверенитет.

Попытки реинтеграции постсоветского пространства, будь то Евразийский союз или Союзное государство России и Беларуси, по сути, воспроизводят ту же логику, на которой строилось политическое объединение республик в рамках СССР, - интернационализм. Интернационализм – доктрина, предполагающая социально-экономическое объединение национальных государств и «дружбу народов» при сохранении их национально-культурной обособленности. Интернационализм пытается примирить две противоположные тенденции – тенденцию к глобализации, которая обуславливает потребность в политическом и экономическом объединении поверх

национально-культурных ограничений, и «национальный патриотизм», который сопротивляется унифицирующему воздействию глобализации. Именно в этом и видят «мудрость» интернационализма его сторонники, полагая, что он способен эффективно решить задачу совмещения глобализации с национально-культурной неоднородностью человечества.

Исторический опыт, однако, показал крайнюю неустойчивость интернациональных образований. К концу XX века рухнули все государства, основанные на принципах интернационализма: СССР, Югославия, Чехословакия. Сторонники интернационализма склонны видеть в этом иные причины, не связанные с данной идеологией. Действительно, сложно не согласиться с тем, что сам по себе интернационализм не являлся первопричиной гибели этих государств. Однако он внес свою немалую лепту в их печальный финал. Ведь территориальный распад интернациональных

*Текст доклада на Международной научной конференции «Националстроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

объединений проходил по национально-административным границам, сформированным предшествующей политикой интернационализма. Интернационализм, таким образом, формировал матрицу распада созданных им государств. Интернациональная политика сохранения и поддержания национальных размежеваний в рамках «больших» политических проектов так и не смогла преодолеть противоречия между нуждами глобализации и национальным эгоизмом, который неизменно «взрывал» интернационалистское государство в кризисный момент.

Была ли советская национальная политика неизбежностью? На это вопрос сегодня, как правило, дают два взаимоисключающих ответа. Первый ответ сводится к тому, что подъём национальных движений на территории Российской империи не оставил большевикам иного выбора, кроме как объявить право наций на самоопределение и «пересобрать» государство в качестве федерации национальных республик. Второй вариант утверждает, что реальный подъём национализма в России не был столь значителен, и большевики занимались искусственным конструированием наций, в том числе из русофобских побуждений.

Чтобы разобраться в истине, будет нелишним вспомнить, что представлял собой большевизм как идеология. Большевизм был закономерным продуктом своей эпохи, выросшим из объективных противоречий мировой капиталистической системы того времени. Это была идеология радикального отрицания капитализма, ориентированная на глобальное переустройство общества на принципиально новых началах. Будучи идеологией социального протеста, большевизм был, вместе с тем, основан на чувстве глубокого исторического оптимизма, характерного для быстро развивавшейся индустриальной цивилизации начала XX века. Вера в прогрессивное развитие человечества была сильной стороной радикальных социалистических движений, обеспечив им достаточно широкую популярность на Западе и став важной предпосылкой прихода к власти большевиков в ходе революционного катаклизма в России.

Следует подчеркнуть, что коммунизм мыслился как глобальная перспектива для всего человечества, которое в будущем должно преобразиться в единый мир «без России, без Латвий». Этот глобалистский аспект коммунизма всегда предполагался как стратегическая цель, хотя и остался наименее разработанным, поскольку, вдохновленный идеями Маркса и его последователей, коммунизм концентрировался в

первую очередь на проблематике классово-борьбы.

Большевизм – космополитическая идеология, в силу чего национальный вопрос всегда был периферийным в сознании большевиков. Однако именно эта периферийность, в конечном счете, обусловила противоречивость советской национальной политики.

Феномен наций и национализма – продукт развития капиталистической системы. Первоначально национальные государства оформлялись как конкурирующие центры накопления капитала в Западной Европе. Одновременно все они были метрополиями обширных колониальных империй, обеспечивавших формирование крупных и относительно самостоятельных рынков, необходимых для циркуляции и накопления капитала.

Впоследствии национализм начинает активно развиваться в имперских колониях, причём происходит это не столько в результате колониального угнетения, сколько в результате развития и модернизации колоний в рамках империй. Как следствие, в колониях формируются собственные элиты, которые начинают тяготиться своим положением в имперской иерархии, считая его стесненным и унижительным. Так возникает «освободительный» колониальный национализм («национально-освободительные движения»), направленный против «гнета» имперских метрополий и одновременно на преобразование колоний в национальные государства, копирующие многие социально-политические институты метрополий. Трансформация колоний в национальные государства, независимые от имперских метрополий, но имитирующие их устройство, мыслилась как формула, которая позволит «угнетенным» народам повторить успех их «угнетателей». Первым и наиболее успешным примером такого рода движений стала борьба за независимость североамериканских колоний Британской империи в конце 18 в. Исторический успех США стал путеводной звездой для колониальных национализмов по всему миру.

Таким образом, к началу XX в. мир оказался охвачен двумя типами «освободительных движений»: коммунистическим и националистическим. Между ними было одно принципиальное отличие. Коммунизм был идеологией глобальной, ориентированной на всё человечество. Формат национального государства воспри-

нимался коммунистами со скепсисом, как один из институтов буржуазного общества, которому в будущем суждено раствориться в планетарном коммунистическом социуме. Национализм, напротив, был идеологией, основанной на примате сугубо местных («национальных») интересов и равнодушной, а то и враждебной к глобальной повестке. Вместе с тем, жесткой грани между коммунизмом и национализмом тоже не было, и практически все националистические течения обзаводились левой, социалистической фракцией, апеллировавшей к авторитету Маркса и проблемам соци-

альной справедливости.

Эта двойственность во многом определила характер национальной политики большевиков. Будучи носителями космополитической, глобалистской идеологии, большевики, вместе с тем, не могли игнорировать и ширившуюся волну «национально-освободительных» движений. Очевидно, как компромисс с националистическими течениями, призванный привлечь их на сторону большевиков, и возникает принцип ленинского интернационализма. Интернационализм, с одной стороны, признаёт право наций на самоопределение, а с другой – ориентирует «освобожденные» нации на объединение в рамках социалистической федерации. Моделью такой мировой социалистической федерации и должен был стать СССР.

Насколько сильны были националистические тенденции на территории Российской империи во время революции и гражданской войны? Российская империя на начало XX века представляла собой быстро развивавшуюся капиталистическую державу, бывшую сухопутной империей. Появление антагонизма между имперской метрополией и окраинами вполне укладывалось в логику капиталистического развития, поэтому сам по себе всплеск национализма «угнетенных окраин» в результате революции был вполне закономерен. С другой стороны, нельзя забывать, что российский капитализм был во многом запаздывавшим и периферийным, поэтому сильные «национальные» элиты на имперских окраинах ещё не успели развиться и в лучшем случае находились в стадии становления. Единственным исключением оказались наиболее развитые «колонии», Польша, Финляндия, а также Прибалтика, которые в результате революции смогли добиться независимости и создать национальные государства. Кроме того, поскольку Россия была сухопутной империей, и четкие границы между «метрополией» и «окраинами» отсутствовали, нередко возникал вопрос, что считать «метрополией», а что – «окраиной». Особенно это касалось территорий, населенных восточнославянским населением, где имперский общерусский патриотизм сталкивался с местными, областными тенденциями, нередко перераставшими в антиимперский национализм, как это произошло на Украине, в Белоруссии и, отчасти, на Дону и Кубани.

В общем и целом, следует признать, что на фоне грандиозной революционной катастрофы, пережитой Россией, всплеск национализма оказался весьма слабым. В

результате к исходу гражданской войны примерно 80% территории бывшей Российской империи были объединены большевиками в рамках РСФСР, которая в таком виде и выступила одним из соучредителей СССР: Последующее выделение новых республик происходило уже в рамках стабилизированной советской государственности, в условиях становления жесткой однопартийной диктатуры, т.е. никак не могло быть «уступкой» большевиков национальным движениям. По сути, это был чисто идеологический проект: советская власть демонстрировала миру, как «освобожденные» народы повышают свой статус в рамках социалистической федерации.

При этом нельзя забывать, что интернационализм никогда не рассматривался большевиками как самоцель, а воспринимался скорее как переходная стадия к глобальному коммунистическому обществу, где отомрут культурные и языковые различия и исчезнут все формы государственности, включая национальные республики. В статье Я.В. Лоя «Общий язык», опубликованной в 1934 г., т.е. в разгар сталинской коренизации, обсуждается перспектива перехода на единый мировой язык и отмирание национальных языков при социализме. В частности, автор пишет: «У всякого мыслящего человека невольно возникает вопрос: как будет выглядеть мир при существовании единого общего языка. Многие оппортунисты, напр., немецкий социалшовинист Давид, существование единого мирового языка считают регрессом, понятным движением. Исходя из биологии и указывая, что там всякое развитие связано с усложнением форм, с ростом разнообразия, — эти господа утверждают, что указанный биологический закон применим и к обществу, что и в обществе всякое развитие связано с ростом разнообразия и что всякое отсутствие разнообразия есть регресс, понятное движение. Оппортунисты поэтому высказываются за сохранение национальных — главным образом языковых, культурных — различий.

Как везде, и здесь взгляды оппортунистов не выдерживают ни малейшей критики. На боязнь ассимиляции, объединения, слияния культур со стороны господ социал-фашистов надо ответить, что «ассимиляция», сближение культур всегда было, есть и будет. Только менее важные достижения человеческого духа остаются в пределах той нации, где они появились. Только такие менее важные явления в области человеческой культуры можно причислить к исключительно «национальной» культуре. Но они составляют меньшую часть современной культуры. Все хоть сколько-нибудь важные

приобретения человеческой культуры становятся достоянием всего человечества. Это уже при капитализме. Социализм в чрезвычайной степени усилит указанную космополитическую тенденцию культуры. И эта тенденция — явление весьма ценное и прогрессивное. Спротивление ей есть самое черное мракобесие.

Что касается исчезновения национальных языков, то необходимо твердо подчеркнуть, что раздробленность человечества на нации ослабляет его силы. Упростить языковое общение человечества — значит поднять его на высоту мощи и силы. Необходимым следствием социалистического строя будет рост международных сношений. Уничтожение всяких помех этому — и прежде всего, как самой важной, различий языков — является с точки зрения развития, прогресса, делом, заслуживающим величайшей похвалы.

Кроме того, неправильно смотреть на национальный язык, как на лучший или даже единственно возможный вид языка. Марксистски, т.е. научно, мыслящие люди обязаны каждое явление действительности рассматривать диалектически, т.е. в возникновении и исчезновении. Мы знаем, что наши предки так же ревниво держались своего родного диалекта, как их внуки держатся родного национального языка. Мы отрешились от точки зрения своих предков. Будучи последовательными, мы должны будем примириться с развитием и в будущем. А последнее, без сомнения, ведет к слиянию, отмиранию национальных языков. И подобная перспектива не должна ни в малой мере нас смущать. Наоборот, единый общий язык явится истинным благодеянием для человечества» [1].

Показательны в этом плане образы коммунистического будущего в советской фантастике. В коммунистической утопии И. Ефремова «Туманность Андромеды» показано коммунистическое человечество, лишенное национально-культурных различий и говорящее на едином языке. Аналогичный образ можно увидеть в повести «Гость из бездны» писателя Г. Мартынова [2], где коммунистическое человечество разговаривает на мировом языке, являющемся потомком русского. В этом можно усмотреть своеобразный патриотизм автора, однако, думается, дело не только в этом. Во вселенной Мартынова, где коммунизм начал распространяться из СССР, вполне логично, что мировой язык возник на основе «языка Ленина».

В 1968 г., т.е. уже на заре брежневской эпохи, свет увидела книга Э.П. Свадост «Как возникнет всеобщий язык?» [3], в которой также обсуждается перспектива будущего единого языка безнационального коммунистического человечества.

Таким образом, «национальное самоопределение» использовалось советской властью скорее в политтехнологических целях и было в большей степени ориентировано «на экспорт», т.е. на привлечение на сторону СССР «национально-освободительных движений» по всему миру. Размежевание национальных образований, а также определение их статуса в административной иерархии (союзная республика – автономная ССР – автономная область – автономный округ) осуществлялось достаточно произвольно. Иногда создание тех или иных национальных республик и вовсе производилось под решение краткосрочных политических задач, как это было в случае с Карело-Финской ССР, созданной, по сути, как база для коммунистического движения Финляндии и впоследствии упраздненной за ненадобностью.

При этом стратегической целью всегда была социальная интеграция человечества и нивелировка национальных отличий, а национальное строительство у «освобожденных» народов мыслилось как переходная стадия к этой фазе. Известно, что на заре советской власти шла активная разработка литературных языков народов СССР на базе латинского алфавита, существовали планы по переводу на латиницу русского языка. Делалось это не из какой-то злой воли русофобии, а для социокультурного сближения «братских народов». При этом латинский алфавит, на котором основана письменность «передовых» стран Запада, рассматривался как наиболее перспективный для коммунистического человечества. В тот же период весьма распространенным среди советских и зарубежных коммунистов было увлечение искусственным языком эсперанто, который рассматривался как вероятный претендент на роль общечеловеческого мирового языка. Со временем, когда стало понятно, что мировая революция откладывается на неопределенное время, эксперименты с латиницей и эсперанто были отложены в сторону в пользу кириллического алфавита и русского языка как основного средства коммуникации в СССР, хотя отголоски увлечения эсперанто среди советских языковедов сохранялись ещё долго. В частности, это заметно по упомянутой выше книге Э.П. Свадост.

Таким образом, национальное размежевание в рамках СССР сложно считать

«уступкой» большевиков объективным национальным требованиям, поскольку на момент революции большинство национальных движений на территории Российской империи находились на достаточно ранней стадии формирования. Национальное размежевание территории РСФСР, которая первоначально включала до 80% владений бывшей Российской империи, производилось уже после окончательной победы большевиков, сверху, в рамках стабилизированной однопартийной диктатуры. Советская национальная политика была в значительной степени ориентирована «на экспорт», т.е. на национальные движения за пределами СССР, в которых большевики видели важных союзников в деле мировой революции. При этом интернациональная стадия рассматривалась как временный, переходный этап на пути к полностью безнациональному коммунистическому человечеству.

СССР так и не удалось преодолеть противоречие между глобальными устремлениями советского проекта и узконациональными интересами союзных республик и элит. В конце 1930-х гг. это противоречие обернулось массовыми репрессиями в отношении «национал-коммунистов» (парадоксальным образом, но именно в этот период число национальных образований внутри СССР резко возросло). Поддержка национальных языков и культур входила в противоречие с всё более широким распространением русского языка в национальных республиках по мере складывания общего хозяйственного комплекса, урбанизации, индустриализации, активных миграций населения.

По мере эрозии коммунистической идеологии и разложения советского строя элиты союзных республик закономерно воспользовались созданной в рамках СССР национально-политической инфраструктурой для повышения своего статуса. Это стало одной из важнейших предпосылок распада СССР.

Вместе с тем, советскую национальную политику нельзя рассматривать исключительно как продукт большевистского волюнтаризма. Логика развития Российской империи как капиталистического государства формировала противоречие интересов между «метрополией» и «перифериями», как это было и в других колониальных империях. А значит, подъём национализма был неизбежен независимо от того, пришли бы к власти большевики или нет. Другой вопрос, что контуры национального размежевания в этой гипотетической «России без большевиков» могли существенно отли-

чатся в ту или другую сторону – в силу отсутствия чётких границ между «метрополией» и «окраинами».

ЛИТЕРАТУРА:

- Лоя Я.В. Общий язык [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Loja34.html#1> (дата обращения 24.10.2018);
- Мартынов Г. Гость из бездны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knijky.ru/books/gost-iz-bezdny> (дата обращения 24.10.2018);
- Сवादост Э. Как возникнет всеобщий язык? М., Наука. – 287 с.

REFERENCES:

- Loya YA.V. Obshchiy yazyk [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Loja34.html#1> (data obrashcheniya 24.10.2018);
- Martynov G. Gost' iz bezdny [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://knijky.ru/books/gost-iz-bezdny> (data obrashcheniya 24.10.2018);
- Svadost E. Kak vzniknet vseobshchiy yazyk? M., Nauka. – 287 s.

Мищенко Татьяна Александровна,

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского»

Mishchenko Tatyana Alexandrovna,

candidate of historical sciences, docent, Bryansk
state University named academician I. G. Petrovsky«НАЦИОНАЛЬНОЕ» В ВОСПИТАНИИ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» СЕЛЬСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГГ. НА ТЕРРИТОРИИ
БРЯНСКО-ГОМЕЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ(*)."NATIONAL" IN THE EDUCATION OF THE "NEW MAN" OF RURAL CULTURAL INSTITUTIONS IN THE 1920S ON THE TERRITORY OF THE BRYANSK-GOMEL
FRONTIER(*)

РЕЗЮМЕ. В данной статье исследуются критерии понятия «культурности» сельского жителя, предпринимается попытка определить, какое место в новом «культурном наборе» занимала национальная принадлежность жителя Брянско-Гомельского пограничья. Основными источниками исторического исследования являются брошюры и пособия, адресованные культурно-просветительским и землеустроительным учреждениям в деревне в 1920-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Новый культурный человек», национальность, Брянско-Гомельское пограничье, сельские учреждения культуры, пособия, справочные материалы.

ABSTRACT. This article examines the criteria of the concept of "culture" of rural residents, an attempt to determine what place in the new "cultural set" was occupied by the national identity of the resident of the Bryansk-Gomel border. The main sources of historical research are brochures and manuals addressed to cultural, educational and land management institutions in the village in the 1920s.

KEY WORDS. "New cultural person", nationality, Bryansk-Gomel border area, rural cultural institutions, manuals, reference materials.

Советская культура в деревне на всём протяжении 70-летней истории государства проводилась через сельские учреждения культуры. Характерные для перестройки культуры в 1920-е годы преобразования формировали новые культурные образцы, ценности и нормы, которые бытовали наряду с традиционными устоями культуры, составлявшим её глубокий пласт. Проблема «национального» в воспитании «нового человека» имеет множество аспектов; в данном случае исследовательская задача состоит в том, чтобы выяснить, из каких критериев складывалось понятие «культурного» жителя села и какое место в новом «культурном наборе» занимала национальная принадлежность жителя Брянско-Гомельского пограничья.

Основными источниками исторического исследования являются брошюры и пособия, адресованные культурно-просветительским и землеустроительным учреждениям в деревне в 1920-е гг. Источниками также послужили материалы губернской статистики, периодической печати, фотоматериалы.

Современное пограничье двух государств губернии в 1921-1927 гг.** - Брян-

ская и Гомельская губернии - являлись самостоятельными административно-территориальными единицами, обладали смежными границами, подвижными в отношении друг друга и объединялись рядом характерных экономических, климатических, географических и демографических показателей.

Годы НЭПа явились временем активного поиска культурно-просветительных форм работы на селе, сочетавших в себе просветительские, идеологические, культурно-досуговые функции. К ним можно отнести широко распространенные избы-читальни, народные дома, красные уголки, дома крестьянина. С началом НЭПа и переводом учреждений культуры на финансирование местными бюджетами, а, в конечном счете, на обеспечение самим населением, пришлось перестраивать работу этих учреждений. Сеть читален стала уменьшаться, их число стабилизировалось в

*Текст доклада на Международной научной конференции «Националостроительство на руинах империи»./The text of the report at the International scientific conference "Nation-building on the ruins of the Empire ". <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2018-g/natsiostroitelstvo-na-ruinakh-imperii.html>

** Гомельская губерния – до 1 декабря 1926 г.

регионе к 1924 г. и составляло 195 изб-читален в Гомельской и 113 в Брянской губернии, при этом на волость приходилось по одной избе-читальне[1].

Постепенно избы-читальни «обрастали» новыми полезными функциями. Это были в первую очередь справочная и канцелярская работа: «...самой главной работой избы-читальни является работа справочного характера. Нужно, скажем, крестьянину знать, где можно достать сельскохозяйственную машину, на каких условиях? Изба-читальня должна дать точный ответ. Изба-читальня должна быть в курсе самых разнообразных вопросов, связанных с интересами крестьянина. В деревне большинство неграмотных, а у многих в Красной Армии сыновья, родственники. В избе нужно писать неграмотным крестьянам их частные письма родственникам, красноармейцам или уходящим на промыслы, а также писать всякие заявления крестьян, ходатайства, просьбы»[2].

Культурно-досуговые функции выполняло и другое культурно-просветительское учреждение – клуб. В Гомельской и Брянской губерниях губернии были рабочие клубы, существовавшие в городах, в сельской же местности клубов не было.

Деревенская молодежь сама стремилась организовать клуб, чтобы интересно проводить в нем время «Товарищу Калинину от члена Р.Л.К.С.М. Алексеевской ячейки Навлинской волости Бежицкого уезда Брянской губернии. Товарищ Калинин, прошу не отказать моей просьбы, т.к. в нас молодежь не имеет никакого просвещения, нет ни клуба, ни избы-читальни. Негде вечерами собираться... Волисполком и губземуправление отказали нам в ходатайстве... и теперь мы решили обратиться к вам... и просим вас не отказать нашей просьбы и не оставить нашу молодежь без просвещения, дать нам два амбара под клуб»[3].

Основная цель культурных новаций в деревне в 1920-е гг. – воспитание «нового человека», преданного идеям социализма. Идеология интернационализма должна была продемонстрировать равенство всех этнических общностей, показать позитивные стороны советской культурной политики. Проводниками «новой культуры» должны были стать работники изб-читален, клубов, библиотек, сельских школ. Требовалась их массовая и ускоренная подготовка, поэтому необходимую информацию в сжатом виде на курсах предоставляли разного рода брошюры и справочные мате-

риалы. Л.В. Жарина отмечает: «Для осуществления поставленных широкомасштабных задач, безусловно, требовались квалифицированные, верные идеалам социализма, и, предпочтительно, местные кадры. ...Советско-партийные школы готовили партийных и советских работников, владеющих родным языком, знающих историю, географию, культуру, особенности быта населения и довольно активно работающая на местах. Формирующаяся советская интеллигенция также должна была стать проводником идей партии»[4]. Таким образом, анализ различных пособий, брошюр и сборников, адресованных партийными советским работникам на местах, является актуальным. Мы исследовали несколько различных пособий и небольших справочных изданий, отложившихся в ГАБО, ГАГО, МБУК «Новозыбковский краеведческий музей». Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что все издания напечатаны на русском языке.

Об актуальном поиске маркеров национальной идентичности рассуждает А.Д. Гронский в статье «Белорусский национализм и язык в начале XX в.». Автор обращается к идее использования статуса языка как аргумента национального обособления: «Язык в начале XXв. являлся, пожалуй, самым главным маркером этнокультурного отличия. Именно поэтому «возрождение» национального языка считалось одной из главных националистических задач»[5]. Повысить статус языка с наречия и говора представлялось возможным через его внедрение в систему образования. О таких возможностях для начальной школы, средней и высшей рассуждал в 1917 г. известный лингвист Е.Ф. Карский, предлагая белорусский язык в начальной школе как основной для преподавания, но по требованию местных жителей: «...допущение в

1. См.: Мищенко Т. А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921-1927 гг.: традиции и новации : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Брянск, 2004.
2. Наша деревня, 1925, №1(16).
3. ГАБО, ф.558, оп.1, д.358, ч.1. л. 96.
4. Жарина Л.В. Национальные отношения в БССР в 1920-30-е гг.// Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2009. С.7.
5. Гронский А.Д. Белорусский национализм и язык в начале XXв./ В сб.: Российско-белорусско-украинское пограничье: аспекты взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Г.Новозыбков, Брянская обл., 21-22 октября 2010г.- Брянск: РИО БГУ, 2010. С.194.

начальной школе, где того пожелают местные жители, обращения к народному языку для разъяснения непонятных мест в учебниках. В западных окраинах (особенно с католическим населением), при желании населения, можно было бы допустить в начальной школе в первый год и все преподавание на народном языке. Не возбранял бы я и литературы на народном языке, особенно по предметам сельского хозяйства и поэтической. Введение же в школу, особенно в среднюю и высшую, в качестве языка преподавания белорусского наречия только затормозило бы развитие белорусской народности. Другое дело знакомство с этим языком – оно необходимо в средней школе и высшей для каждого белоруса»[6]. Таким образом, роль просветительских и культурных учреждений на местах в конструировании «национального» осмысливалась публицистами и учеными еще в начале XX века.

Анализ пособий и материалов, представляющих информацию о Брянской и Гомельской губерниях содержит наибольшее количество сведений, о климате, почвах уездов, количестве и качестве пахотных земель, сведения о промыслах, присущих населению губерний несколько столетий, рассуждения о демографических характеристиках уездов: плотности, половозрастном составе, численности городского населения. Далеко не всегда демографические сведения подкрепляются данными национального состава населения, за исключением справочных материалов по переписи 1926 г[7]. Приветствовались «показательные сады», «показательные огороды» и даже «показательные кормления коров» на празднике «День урожая»[8]. Отдельной страницей воспитания «культурного человека» стало распространение гигиенических знаний в крестьянском быту, чему также отводилось место в пособиях для деревенских активистов: «...Причины высокой смертности в Новозыбковском уезде, как и во всей России, главным образом две: бедность населения и его некультурность. Наше сельское население живет в хатах, представляющих всего одну комнату. В ней помещается в одном угле варистая печь – это кухня, в другом – полати – спальня, в третьем – обеденный стол- место столовой; за последним обыкновенно общается семья и посторонние лица, если случается, в той же хате высиживаются куры, в зимнюю пору находятся телята и другие мелкие домашние животные, средств для вентиляции в хате нет. Больных, особенно болеющих заразными болезнями, некуда изолировать»[9]. Вычислялось, сколько нужно питания крестьянской семье, содержались рекоменда-

ции, как преодолеть потери времени при сельхозработах и выйти из бедности. Один из сборников заключал: «Крестьяне, как трудовые элементы, непроизводительно растрачивающие собственные силы, должны приблизить к себе это светлое будущее и претворить его в жизнь. Наши противники: 1) низкий уровень культурного развития; 2) отсталость; 3) сила привычки; 4) острый кризис в средствах производства»[10].

Лишь одно из них пособий содержит более подробный экскурс в историю формирования этноса региона: «Основное население уезда составляет белорусская народность, в значительной степени утратившая свои признаки. Она сложилась из первоначальных насельников края, радимый, в XIII – XIV столетии. Тогда обособились те отличительные признаки белорусского говора, в настоящее время сохранились в Новозыбковском уезде: акание: вАда, тАпор, бАрАда, зЯмля, рЯка, сЯло; Ывместо В : лаўка, траўка, ўнук, ваўкоў; дзеканье: дзень, дзелать. К основному белорусскому населению местного происхождения присоединились переселенцы белорусской народности из-за Днепра. Затем с к. XVIIст. Стали появляться насельники с юга, из Украины, и с востока из Великороссии»[11]. Другие пособия ориентированы на социальные критерии выделения групп населения: типы хозяйств (бедняцкое, середняцкое, зажиточное)[12], климатические и географические условия по уездам, которые

6. Цит. По: Гронский А.Д. Белорусский национализм и язык в начале XXв./ В сб.: Российско-белорусско-украинское пограничье: аспекты взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Г.Новозыбков, Брянская обл., 21-22 октября 2010г.- Брянск: РИО БГУ, 2010. С.195.

7. Население Брянской губернии по данным переписи 1926г. – Брянск., 1927.

8. ГАБО. Ф.810. оп.1. ед.х. 253. л.11; ГАБО. Ф.810. оп.1. ед.х.12. л.1-5.

9. Еременко П. Новозыбковский уезд. Пособие по краеведению для школ, изб-читален, кружков самообразования и др. Новозыбков.1925. С.75.

10. Пути к восстановлению сельского и лесного хозяйства Гомельской губернии. Сборник Гомельского губземуправления. 1923 С.44.

11. Еременко П. Новозыбковский уезд. Пособие по краеведению для школ, изб-читален, кружков самообразования и др. Новозыбков.1925. С.18.

12. Сборник материалов гомельских губернских курсов по переподготовке сельских школьных работников в г.Новозыбкове/ Под ред. К.Е. Бендрикова, Д.Е. Раскина. Изд. Новозыбковский уездный отдел народного образования и Новозыбковский уездный отдел Союза работников Просвещения. 1924

«обуславливают собою ...здоровье и продолжительность жизни людей, а также характер народа, его историческую жизнь, общественный быт и материальное благосостояние»[13]. В одном из текстов анализируется «русское сельское хозяйство», а местные жители называются «русским крестьянством»[14]. Итак, «национальное» прежде всего конструируется языком печатного текста и в исследованных источниках отнесено на периферию анализа местного сообщества.

Авторы сборника аналитических материалов «Малые диаспоры Гомельщины в 20-30 годы XX в.» указывают на препятствие в работе с белорусским и украинским населением края: «У местного партийного и советского руководства господствовал рецидив «западноруссизма», отрицавшего национальную самобытность белорусского и украинского этносов и соответственно проведение необходимых мероприятий по сохранению и развитию их этнокультуры»[15]. Начавшаяся несколькими годами политика белорусизации (развитие национальной школы, сети культучреждений) представляется авторам закономерным развитием национальной культпросветработы. После вхождения Гомельщины в БССР русские превратились в национальное меньшинство, и по логике поддержки малых этносов, должны были получить поддержку в сельских органах власти, образовательных и культурных учреждениях. Однако историк М.И. Старовойтов отмечает: «Обещания (во время присоединения к БССР) сохранить русскоязычные школы и учреждения не всегда выполнялись. Документы свидетельствуют, что это приводило к конфликтным ситуациям в Ветковском и Тереховском районах, в Добруше, Гомеле, Речице и выражалось в отрицательном отношении к белорусскому языку, изучение которого насаждалось административными методами. Русские и русскоязычное население было достаточно хорошо грамотно на русском языке, а партийные органы, проводя форсированную белорусизацию, добивались лишь показателей о изучению белорусского языка и подписки белорусской периодики»[16]. Итак, если в начале 1920-х годов «национальное» в культуре не акцентировалось и местных культработников обучали иным критериям «новой культуры» в селе: агрономическим знаниям, гигиене и началам медицинских знаний, юридической грамотности и верности идеологии большевиков, то после 1926г. взвешенное разрешение обострившихся противоречий, связанных с административными преобразованиями и политикой белорусизации оказалось не под силу местным пар-

тийным и культработникам.

Литература:

- ГАБО, ф.558, оп.1, д.358, ч.1.
- ГАБО. Ф.810. оп.1. ед.х. 253.
- ГАБО. Ф.810. оп.1. ед.х.12.
- Гронский А.Д. Белорусский национализм и язык в начале XX в./ В сб.: Российско-белорусско-украинское пограничье: аспекты взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Г. Новозыбков, Брянская обл., 21-22 октября 2010 г.- Брянск: РИО БГУ, 2010.
- Еременко П. Новозыбковский уезд. Пособие по краеведению для школ, изб-читален, кружков самообразования и др. Новозыбков.1925.
- Жарина Л.В. Национальные отношения в БССР в 1920-30-е гг.// Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2009.
- Малые диаспоры Гомельщины в 20-30 годы XXвека: аналитические материалы и док.Гос. Арх. Гомельской области/ сост.: В.П. Пинчуков, М.А. Алейникова и др./ Под ред. В.П. Пинчукова.- Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого. 2008.

13. Пути к восстановлению сельского и лесного хозяйства Гомельской губернии. Сборник Гомельского губземуправления. 1923. С.18.

14. Пути к восстановлению сельского и лесного хозяйства Гомельской губернии. Сборник Гомельского губземуправления. 1923. С.43.

15. Малые диаспоры Гомельщины в 20-30 годы XXвека: аналитические материалы и док. Гос. Арх. Гомельской области/ сост.: В.П. Пинчуков, М.А. Алейникова и др./ Под ред. В.П. Пинчукова.- Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого. 2008. С.48.

16. Старовойтов М.И. Отношение русской этнической общности Гомельщины к политике белорусизации (1927г.- середина 30-х годов)/ В сб. Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы III международной научной конференции/ Под ред. В.В. Кириенко. – Гомель: Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», 2003. С.194.

- Мищенко Т. А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921-1927 гг.: традиции и новации : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Брянск, 2004
- Население Брянской губернии по данным переписи 1926г. Брянск., 1927.
- Наша деревня. 1925. №1(16).
- Пути к восстановлению сельского и лесного хозяйства Гомельской губернии. Сборник Гомельского губземуправления. 1923.
- Сборник материалов гомельских губернских курсов по переподготовке сельских школьных работников в г.Новозыбкове/ Под ред. К.Е. Бендрикова, Д.Е. Раскина. Изд. Новозыбковский уездный отдел народного образования и Новозыбковский уездный отдел Союза работников Просвещения. 1924.
- Старовойтов М.И. Отношение русской этнической общности Гомельщины к политике белорусизации (1927г.-середина 30-х годов)/ В сб. Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы III международной научной конференции/ Под ред. В.В. Кириенко. – Гомель: Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», 2003.

REFERENCES:

- GABO, f.558,op.1, d.358, ch.1.
- GABO. F.810. op.1. yed.kh. 253.
- GABO. F.810. op.1. yed.kh.12.
- Gronskiy A.D. Belorusskiy natsionalizm i yazyk v nachale XX v./ V sb.: Rossiysko-belorussko-ukrainskoye pogranch'ye: aspekty vzaimodeystviya v kontekste yedinogo sotsiokul'turnogo prostranstva – istoriya i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. G. Novozybkov, Bryanskaya obl., 21-22 oktyabrya 2010 g.- Bryansk: RIO BGU, 2010.
- Yeremenko P. Novozybkovskiy uyezd. Posobiye po krayevedeniyu dlya shkol, izb-

chitalen, kruzhkov samoobrazovaniya i dr. Novozybkov.1925.

- Zharina L.V. Natsional'nyye otnosheniya v BSSR v 1920-30-ye gg.// Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya. 2009.
- Malyye diaspory Gomel'shchiny v 20-30 gody XXveka: analiticheskiye materialy i dok. Gos. Arkh. Gomel'skoy oblasti/ sost.: V.P. Pinchukov, M.A. Aleynikova i dr./ Pod red. V.P. Pinchukova.- Gomel': GGTU im. P.O. Sukhogo. 2008.
- Mishchenko T. A. Obraz zhizni krest'yanstva yugo-zapadnykh guberniy Tsentra Rossii v 1921-1927 gg.: traditsii i novatsii : dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02. - Bryansk, 2004.
- Naseleniye Bryanskoy gubernii po dannym perepisi 1926g. Bryansk., 1927.
- Nasha derevnya. 1925. №1(16).
- Puti k vosstanovleniyu sel'skogo i lesnogo khozyaystva Gomel'skoy gubernii. Sbornik Gomel'skogo gubzemupravleniya. 1923.
- Sbornik materialov gomel'skikh gubernskikh kursov po perepodgotovke sel'skikh shkol'nykh rabotnikov v g.Novozybkove/ Pod red. K.Ye. Bendrikova, D.Ye. Raskina. Izd. Novozybkovskiy uyezdnnyy otdel narodnogo obrazovaniya i Novozybkovskiy uyezdnnyy otdel Soyuza rabotnikov Prosveshcheniya. 1924.
- Starovoytov M.I. Otnosheniye russkoy etnichnoy obshchnosti Gomel'shchiny k politike belorusizatsii (1927g.-seredina 30-kh godov)/ V sb. Mentalitet slavyan i integratsionnyye protsessy: istoriya, sovremennost', perspektivy: Materialy III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii/ Pod red. V.V. Kiriienko. – Gomel': Uchrezhdeniye obrazovaniya «Gomel'skiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet imeni P.O. Sukhogo», 2003.

Журнал «Аспект» - международное электронное периодическое издание, предназначенное для публикации произведений в области социальных и гуманитарных наук.

Журнал издается совместно :

- «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Србија) www.carsa.rs
- Сетевой научно-просветительский проект "Западная Русь" (Минск) <http://zapadrus.su>

Доступ к изданию: Сайт журнала — <http://aspects.su/>

Периодичность выпуска: ежеквартально (четыре номера в год).

Журнал зарегистрирован Национальным ISSN центром Сербии

при Национальной библиотеке Сербии в Белграде:

Аспект (Online)

ISSN 2560-3752 (Online)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,
15000 Шабац, Србија
aspect.journal@gmail.com

Главные редакторы:

- ЗОРАН МИЛОШЕВИЋ, доктор социальных наук, директор «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Србија);
- ИГОРЬ ФЕДОРОВИЧ ЗЕЛЕНКОВСКИЙ, член Союза писателей России, руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .

Редакционный совет журнала:

- АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ГРОНСКИЙ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (Москва, Российская Федерация);
- АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КИСЕЛЕВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Минск, Республика Беларусь);
- АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ КРЫЛОВ, доктор исторических наук, руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором Кавказа Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, президент Научного общества кавказоведов (НОК) (Москва, Российская Федерация);
- АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ БЕНДИН, доктор исторических наук, профессор кафедры богословия Института теологии Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия);
- АНАТОЛИЙ ЮРЬЕВИЧ АВРУТИН, поэт, член Союза писателей России и Беларуси (Минск, Республика Беларусь);
- АНТОН ВАСИЛЬЕВИЧ МИРОНОВИЧ, доктор исторических наук, профессор, декан кафедры истории Центрально-Восточной Европы Университета в Белостоке (Белосток, Польша);
- ВАЛЕНТИНА АНАТОЛЬЕВНА ТЕПЛОВА, кандидат исторических наук, профессор Минской духовной Академии, доцент исторического факультета Белорусского Государственного Университета (Минск, Республика Беларусь);
- ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ ШИМОВ, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Белорусского Государственного Университета (Минск, Республика Беларусь);
- КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ШЕВЧЕНКО, доктор исторических наук, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (Минск, Республика Беларусь);
- ЛЕОНИД ВЯЧЕСЛАВОВИЧ САВИНОВ, доктор политических наук, доцент декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы Президенте РФ, академик Российской академии политических наук, член Российской ассоциации политической науки, эксперт РГНФ, член Общественного совета ГУ МВД по Новосибирской области (Новосибирск, Российская Федерация);
- ЮРИЙ ГЛЕБОВИЧ АВЕРЬЯНОВ, историк, публицист (Москва, Российская Федерация)

Правила представления авторами рукописей:

1. Рукописи публикаций в журнале «Аспект» (далее – Журнал) представляются авторами по электронной почте с помощью встроенной формы по адресу aspect.journal@gmail.com

2. Рукопись предоставляется в редакцию на русском, сербском, английском или на ином языке автора в формате doc или rtf. Параметры оформления: размер листа А4, ориентация страницы – книжная, сноски – концевые автоматические, список литературы в конце с дополнительной транслитерацией. Обязательно указание УДК статьи. Название статьи на языке автора, русском и английском; ключевые слова на языке автора, русском и английском; аннотация на языке автора, русском и английском. Также к статье в отдельном файле подается фотография автора, информация об авторе на языке автора, русском и английском; инициалы, фамилия, на языке автора, русском и английском.

Иллюстрации пронумерованы и соответствуют отдельно приложенному списку иллюстраций, указанных в тексте.

3. Материалы, поступающие в редакцию, проходят научную экспертизу. Рецензии автору не высылаются. Редакция вправе отказать в опубликовании статьи без объяснения причин. Плата за публикацию не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются. Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редакции журнала.

4. В случае принятия решения о публикации материала в Журнале редакция сообщает об этом автору (авторам) по электронной почте. Затем им высылается файл с текстом, прошедший редактуру. В случае согласия на публикацию материала в Журнале в таком виде, автор (авторы) пересылают в редакцию скан текста со своей подписью.

По опубликовании статьи автор получает уведомление об этом и актуальную ссылку.

Правила пользования журналом

Полное или частичное воспроизведение публикаций в любой форме возможно только с официального разрешения редакции и с обязательным указанием источника (при размещении в сети Интернет активная и индексируемая ссылка обязательна).

ASPECT - Humanities and Social science magazine.

It published four issues a year.

Magazine website: <http://aspects.su/>

Аспект (Online)

ISSN 2560-3752 (Online)

Published jointly by:

- "Center for Academic word"

(Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs

- Scientific and educational project "Western Russia"

(Minsk) <http://zapadrus.su>

Editor in Chief:

- Zoran Milosevic Doctor of Social Sciences, Director "Center for Academic word"(Belgrade)
- Igor F. Zelenkovsky, member of the Union of Writers of Russia, head of the project "Western Russia"

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

aspect.journal@gmail.com

Editorial Council:

- Alexander Dmirievich Gronskii, Candidate Historical Sciences (Minsk);
- Alexandr Bendin, Doctor of Historical Sciences (Minsk, Belarus);
- Alexander Kiselev, Candidate Historical Sciences (Minsk);
- Aleksandr Borisovich Krylov, Doctor of Historical Sciences (Moscow);
- Anatoli Yurevich Avrutin, poet, member of the Union of Writers of Russia and Belarus (Minsk);
- Anton Vasil'yevich Mironovich, Doctor of Historical Sciences (Bialystok, Poland);
- Valentina A. The heat, Candidate of Historical Sciences (Minsk);
- Vsevolod Shimov Candidate Political Science (Minsk);
- Kirill Shevchenko, Doctor of Historical Sciences (Minsk);
- Leonid Vyacheslavovich Savinov, Doctor of Political Science (Novosibirsk);
- Yury Glebovich Averyanov, historian, publicist (Moscow)

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ

Национални ISSN центар Србије

Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд 14.03.2017.

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација Аспект (Online)

Добила је свој ISSN 2560-3752 . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN 2560-3752 (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информисете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.

За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@nb.rs.

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић